

ЗОЯ БЕРГ

МОЯ
ВЕДЬМА

Зоя Берг

Моя Ведьма

<https://litres.ru/74462264>

Аннотация

Игорь - наследник империи, «глянцевый красавчик» с идеальной улыбкой. Анна - рыжая «ведьма» с острым язычком, которая читает судьбы по бабушкиной колоде. Их сделка должна была длиться одну ночь: сыграть «гадалку» на закрытом приеме миллиардера Владилена Рустамова - человека, который верит только в силу и знаки. Но игра опаснее, чем они думали...

ОНА - дерзкая и одинокая ОН - местами мудаки, местами вполне милый:) МИР - реальный, Москва, наши дни и ЧУТОЧКУ мистики

18+. ХЭ ♥#

все книги автора и подписка тут:

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	54
Глава 10	59
Глава 11	64
Глава 12	70
Глава 13	76
Глава 14	82
Глава 15	87
Глава 16	92
Глава 17	96
Глава 18	100
Глава 19	106
Глава 20	112
Глава 21	118
Глава 22	124
Глава 23	129

Глава 24	134
Глава 25	140
Глава 26	146
Глава 27	152
Глава 28	157
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Глава 1

ЧАСТЬ 1. МАГ

АННА

«Интересно, он себе секретарш по размеру сисек подбирает?» - думаю я, невольно утыкаясь взглядом в роскошный бюст, обтянутый белой блузкой.

- Анна? – девушка поднимает глаза от монитора.

- Да, - отвечаю я. И хочу добавить, что красотка внизу на ресепшне уже спросила и даже – при мне – позвонила сюда и уточнила можно ли мне подняться.

Но прикусываю язычок.

В конце концов, у нее просто такая работа. А вдруг та Анна о которой предупредили, потерялась в двух коридорах? А я – какая-то еще неведомая девица, просочившаяся в этот шикарный особняк?

- Минуту, - секретарь выдает вежливую улыбку и снимает трубку внутреннего телефона.

Я перевожу взгляд и оглядываю приемную. Стильно, дорого, богато. Но не вычурно. Тут все – от входной группы и широкой лестнице с перилами из темного дерева до картин на стенах, которые явно не просто репродукции - говорит об одном: власть. Не громкая, не кричащая, а та, что не нуждается в доказательствах.

А еще, тому, кто обставлял этот роскошный офис, удалось сохранить дух старинного особняка.

Я обожаю и одновременно ненавижу такие дома.

Не потому что они красивые - они, черт возьми, прекрасны. Каменная кладка, кованые фонари, старинные ворота с узорами, тишина, несмотря на то что мы всего в десяти минутах от Тверской. Но это не просто памятник культуры, архитектуры и длиннющей истории Москвы. Это один из тех особняков на Бульварном кольце, где даже воздух пахнет деньгами и самоуверенностью.

Где каждый кирпич говорит: «Ты здесь лишняя».

Я хмыкаю – «а вот и нет, сегодня я не просто намерена чуть-чуть повосхищаться и пойти дальше в свою простую жизнь, сегодня я намерена откусить кусочек от этого пирога».

- Игорь Сергеевич, Анна пришла, - в голосе секретаря появляются бархатные нотки.

«Ну надо же как замурлыкала, что ж там за Игорь Сергеевич такой?», - пролетает мысль.

- Да, конечно. Сейчас.

Она встает, открывает дверь и приглашает меня войти жестом, будто я королева. И я невольно улыбаюсь. А может девочка и ничего? Может я просто позавидовала? Кто же виноват, что природа не оделила меня четвертым размером?

- Удачи, - говорит она, как будто почувствовав мои мысли. И аккуратно закрывает за мною дверь.

Кабинет - просторный, светлый, с панорамным окном и видом на внутренний сад. Все продумано до мелочей: кожаный диван цвета кофе с молоком, полки с книгами. Не декоративные - некоторые корешки чуть потерты, их явно читали. На столе - ноутбук, блокнот, ручка Montblanc.

И он.

Игорь Сергеевич.

Он сидит за массивным столом, откинувшись на спинку кресла. Белая рубашка без галстука, рукава закатаны до локтей - видны сильные предплечья. Волосы - темные, вьющиеся, непослушные, будто отказываются подчиняться и гелю, и авторитету. Глаза - карие. На запястье - часы, которые скорее всего стоят больше, чем мой годовой доход. Улыбается. Зубы белоснежные, улыбка идеальная.

«Тьфу ты господи, ну не мужик – а картинка, один сплошной глянец, - думаю я. – Надо заканчивать пялиться, он итак знает, что неотразим».

- Присаживайтесь, Анна, - голос - низкий, немного хрипловатый – возвращает меня в реальность.

Я прохожу, сажусь в кресло напротив. Спокойно и уверенно. Да, он красивый, холеный, но я таких не люблю. Слишком высокого мнения они о себе. Самовлюбленные индюки, а не мужчины!

- Зачем вам понадобился специалист по тонким материям? - спрашиваю прямо. Без вступлений, стеснения и жеманности. И радуюсь, что мой голос звучит как надо – без вся-

ких этих придыханий и мяукания.

Он смеется. Коротко, легко.

- Про «материи» ничего не знаю. Мне нужна гадалка. Чтобы сопровождала меня на важное мероприятие.

- Какое мероприятие?

- День рождения дочери Владилена Рустамова.

Я чуть не вздрагиваю. Владилен Айнурович Рустамов. Тот самый. Владелец «Айнур Групп», человек, который строит электростанции в Сибири и покупает острова в Эгейском море. И, что важнее, - одержимый эзотерикой.

Вся Москва знает: он не подписывает контракты без благословения своего астролога. Говорят, однажды отказал в сделке на полмиллиарда, потому что «Луна была в неправильном доме».

- У него же есть свои люди, - говорю я. - Целая команда «специалистов». Зачем ему я?

- Вы ему не нужны, это верно. Вы нужны мне. Потому что мне..., - он выдает очередную ослепительную улыбку - Мне нужно показать, что я разделяю его увлечения. Что я человек, который понимает... как вы сказали..., - показательно щелкает пальцами, - Что я понимаю «тонкие материи» и... ЭММММ... «язык звезд».

Я кривлю губы в ответной улыбке.

Ну что ж, удивительно конечно, но похоже он не только чертовски красив, но еще и не совсем дурак.

- Все ясно, - произношу я, стирая с лица усмешку. - Какой

гонорар?

- Десятикратное увеличение от вашей обычной ставки, - говорит он. - Устраивает?

Я делаю паузу. Мои обычные сеансы - десять тысяч. Десять раз - сто. Хорошие деньги. Но недостаточно.

- Двадцать, - отвечаю я. - И я согласна.

Он приподнимает бровь, глаза становятся холодными. И я буквально вижу, как в его голове бегут цифры.

- Однаааако, - наконец произносит он. - Какая ты меркантильная. А говорят, что эзотерики должны быть великодушные и бескорыстные.

- Не «ты». «Вы». Не знаю кто и что говорит про «эзотериков», - я выделяю слово чуть насмешливой интонацией. - Но я знаю, чего стою!

- Ну да, ну да, - фыркает он. - Бескорыстная магия вряд ли сможет оплатить коммуналку.

- Ну если нет, то нет, - говорю я, вставая. Делаю шаг к двери. Сердце стучит быстрее, чем должно. Положа руку на это самое колотящееся сердце, мне нужен этот контракт. Потому что он, этот напыщенный индюк, прав - счета за коммуналку, а еще за съемную квартиру, шмотки, маникюр и прочие женские необходимости, да и просто деньги на еду никто не отменял.

- Стой, - говорит он тихо.

Я оборачиваюсь.

- Договорились.

Улыбка возвращается - но теперь в ней меньше иронии, больше чего-то другого. Уважения? Любопытства?

- Встретимся за полчаса до начала. Адрес пришлю. Обсудим подробности. И не опаздывай!

- Не опаздывай-ТЕ, - говорю я.

- Ну да, ну да, - он делает виноватую мину. – Забыл. На «ВЫ».

- Может вам глицина попить? Для памяти, – вырывается из меня.

Он сжимает челюсть, и я понимаю – все пропало, не видеть мне денег. Ну когда же я научусь сдерживаться?!

Но тут он вдруг смеется – громко, весело, заразительно.

- Какая же «ВЫ»...

- Какая?

- Мелкая пигалица, которая делает вид, что знает что-то о вселенной!

- Слушайте, Игорь Сергеевич!

- Погодите, - перебивает. – Дайте закончить... Про вас я свои мысли озвучил. А теперь про меня. Ну? Что вы там обо мне думаете? Пустышка на мешке с баблом?

Я хмыкаю.

- Но мы нужны друг другу, верно? – приподнимает одну бровь.

- Мелкую пигалицу я вам так и быть прощу... А вот про «пустышку» это прям в точку! - говорю я, скорчив рожицу.

Он фыркает.

– Ладно, «астрологиню» я вам сыграю, - продолжаю. - Но есть пара условий. Первое: вы не будете мне хамить. Второе: вы не будете шутить при Владилене Айнуровиче - ни про звезды, ни про меня. Третье: половина суммы авансом. Вторая половину сразу после банкета.

Он задумчиво морщит лоб. А потом вздыхает и произносит:

- Завтра. В полседьмого. И надень-ТЕ что-то поприличнее.

- Буду без опозданий, - произношу я ледяным тоном и выхожу, не оглядываясь.

Иду по коридору — и только на лестнице позволяю себе выдохнуть.

Контракт подписан. Деньги будут. Всё хорошо.

«Всё хорошо», — повторяю я себе. И почти верю.

Глава 2

ИГОРЬ

Дождь стучит по стеклу, как будто сама погода решила напомнить мне: довыпендривался, котик!

Я сижу в кресле отца - широком, кожаном, с выгравированными инициалами «С.А.» на подлокотнике - и чувствую себя мальчишкой, которого вызвали к директору за драку в столовой. Только вот мне уже двадцать пять, а вместо булки с повидлом - кредитный лимит, который вот-вот иссякнет.

- Ты не бизнесмен, Игорь, - говорит отец, не глядя на меня.

Он стоит у окна, спиной, в безупречно сидящем костюме, будто только что сошел с обложки Forbes.

- Ты потребитель. Потребитель чужих идей, чужих денег, чужого времени. И это меня утомило.

Я молчу. А что тут скажешь? Все, что я называл «моим бизнесом», - это его инвестиции, его связи, его терпение. А я? Я просто подписывал документы, улыбался на презентациях и тратил деньги на вечеринки, спорткары и недельные поездки в Монако. Я не строил компанию. Я играл в бизнес, как в компьютерную игрушку.

Ненавижу эти встречи!

Не потому, что боюсь отца - я давным-давно перестал его бояться. Я ненавижу их, потому что они всегда напоминали

мне: я все еще не тот, кем должен быть. Но сегодня – сегодня будет по-другому!

Офис отца – это не просто кабинет. Это тронный зал. Темное дерево, полки с наградами, портреты в рамах, на которых он моложе, но уже такой же недоступный. Воздух здесь пахнет сигарами, дорогим одеколоном и... холодом. Точным, расчетливым, безжалостным. Как сам Сергей Николаевич Антипов. Ну что же – пора и мне таким стать, пожалуй.

- Два года, - говорит он, подходя к столу и усаживаясь в кресло. - Два года ты тратишь мои деньги на «стартапы». А по факту – на вечеринки, девчонок и офис в центре, где секретарш подбираешь, как модели на показ Prada.

Я выдаю кривую усмешку. Ну да, офис в центре, секретарши красивые. Как будто у него самого все по-другому. Яблоко от яблони...

- Я дал тебе шанс вырасти, - продолжает он, всматриваясь в меня. - Не как сыну, а как предпринимателю. Но ты выбрал роль мальчика, которому все позволено пока есть папа.

- У меня есть план, - говорю я спокойно.

Он смеется. Коротко, сухо.

- План? У тебя? Ты даже не можешь удержать в штате одного программиста больше месяца. Твой «план» - это очередная идея, которую ты подсмотрел Вконтакте?

- Нет, - отвечаю твердо. - Я собираюсь привлечь Владилена Айнуровича Рустамова.

На мгновение в комнате становится тихо. Даже часы на

стене, кажется, перестают тикать.

- Ты серьезно? - спрашивает отец, медленно откидываясь на спинку кресла.

Я киваю. Сердце ускоряет бег, я чувствую его стук в висках. Рустамов - легенда. Самодельный миллиардер, основатель холдинга «Айнур Групп», человек, который начинал с продажи гаражных инструментов в Казани и теперь владеет половиной энергетического рынка.

- И как это будет? Ты хочешь зайти в дом одного из самых влиятельных людей страны и сказать: «Привет, я Игорь, дай мне денег»?

- Я не буду просить. Я предложу партнерство.

- Он не разменивается на таких, как ты, - говорит отец, и в его голосе - не насмешка, а почти жалость. - Он видит тебя насквозь. Он знает, что ты - продукт комфорта. А он - продукт голода. Вы из разных миров.

- Значит, я войду в его мир, - отвечаю. - Я готов начать играть по-крупному. И ты прав. Я уже давно не мальчик!

Он смотрит на меня долго. Потом вздыхает.

- Хорошо. Последний шанс. Если до конца месяца у тебя не будет подписи Рустамова - я отзываю все активы. Никаких исключений. Ты останешься с долгами, арендой и своей «командой» из трех человек, которые работают только ради зарплаты.

- Принято, - говорю я и встаю.

- Игорь, - останавливает он меня у двери. - Не позорь фа-

милию.

- Знаешь, отец, - произношу спокойно, по-деловому, - Я не меньше тебя горжусь... своей фамилией.

Он приподнимает бровь, а я киваю на прощание и выхожу из кабинета, где сразу утыкаюсь взглядом в роскошные формы его помощницы.

«И кто еще будет мне рассказывать про красивых секретарш» - хмыкаю.

- Всего хорошего, Игорь Сергеевич! – мурлыкает.

- И вам... не болеть!

Вернувшись в свой офис, я чувствую азарт, охватывающий каждую клетку моего тела.

У меня и правда есть план. Есть один нюанс, которым можно воспользоваться: Владилен ничего не делает без одобрения своего астролога. Да, именно так - астролога. Не юриста, не финансового аналитика, а человека, который смотрит на звезды и решает, стоит ли вкладывать триста миллионов в стартап доставки органических овощей. И это ключ, доступ к его телу. И его деньгам.

Я снимаю трубку и зову свою помощницу.

- Да? – она входит с той призывной улыбкой, с какой все девицы на меня обычно смотрят. Эх, взять бы да... прямо на столе... так чтобы ее грудь... как волны в шторм!

Я фыркаю и срочно прогоняю видение. Ни о том думаете Игорь Сергеевич! О деле надо думать!

- Кхм, - я прочищаю горло. – Важное задание. Найди мне

штук пять гадалок. Резюме и фото.

- Гадалок? – в ее голосе непонимание.

- Да. Срочно. Час на все, - отрезаю я.

Через час передо мною пять файлов. Я просматриваю все и отбираю три.

- Юля!

- Да? – ее головка всовывается в дверь, как будто она там стояла и караулила.

- Этих трех ко мне на встречу, - я протягиваю листы.

- Срочно, - не спрашивает, а утверждает она.

- Именно, - улыбаюсь я.

Еще через пару часов я встречаюсь с мадмуазель Серафимой, госпожой Миленой и... просто Анной.

Думая о том, какой же ерундой я страдаю.

Серафима и Милена оказываются набитыми дурами. Красивыми, жеманными, но тупыми как пробки. А вот Анна... Анна оказывается занимательной штучкой.

Хотя первое впечатление было, честно говоря, не очень.

Рыжие волосы, собранные в небрежный пучок, несколько выбившихся прядей обрамляют лицо. Хотя зеленые глаза вполне себе – умные и острые, как лезвие. На ней черное платье, простое, но сидит идеально. Она худая. Очень. И, честно говоря, плоская. Ни намек на те выпуклости, к которым я привык.

«Ну и ладно, - думаю я. - Мне она нужна не для постели. Мне она нужна на один вечер. Чтобы понравиться Влади-

ну. А дальше... посмотрим».

- Присаживайтесь, - говорю я, указывая на кресло.

Она садится. Смотрит прямо, без страха. Без поклонения. И вожделения. Это... необычно.

- Так что там за «план»? - спрашивает она, не дожидаясь вопросов.

Я объясняю. Банкет. День рождения дочери. Владилен. Ее роль – моя персональная гадалка. И эту роль она должна сыграть идеально, так чтобы ни у кого не возникло сомнений, что она – великая и ужасная госпожа-мадмуазель-мамзель - вот это вот все.

Она на несколько минут задумывается, а потом запрашивает такой ценник, что у меня чуть не отваливается челюсть. Я открываю рот, чтобы выслать ее куда подальше, но понимаю, что на поиски времени больше нет. Ну и потом – Анна точно неглупа, вполне симпатична... Возможно с помощью этой гадалки у меня будет шанс.

- Договорились, - говорю я.

Она уходит. Без поклонов. Без улыбки. Просто закрывает дверь - и исчезает.

Я остаюсь один. Беру в руки телефон и набираю Крис. Сегодня мне точно нужно немного расслабиться.

А Крис – то, что надо. Учитывая все ее умения. Да и формы.

Которыми, в отличие от этой Анны, природа, вместе с пластическими хирургами конечно, ее не обидела.

Глава 3

АННА

Я сижу на подоконнике, как кошка, и смотрю, как Москва медленно тонет в вечернем тумане.

За окном - панельные дома, редкие фонари, машины, мчащиеся по проспекту, будто спасаются от чего-то. Здесь, на окраине, нет ни особняков, ни кованых фонарей, ни воздуха, пропитанного деньгами. Здесь пахнет выхлопами, дешевыми духами и усталостью. Но это - мой мир. И я его заработала сама.

А не так, как этот Игорь Сергеевич, который, судя по всему, даже не знает, сколько стоит билет в метро.

Я закрываю глаза и вспоминаю Ростов-на-Дону. Точнее - не город, а хутор за сто километров от него, где жила бабушка. Деревянный дом с резными ставнями, палисадник, заросший чабрецом и мать-и-мачехой, старый колодец с веревкой и ведром, которое всегда скрипело, как будто жаловалось на жизнь.

И она - бабушка Ксения Петровна. Но все называли ее Аксињя. По казачьи.

Бабулю я очень любила. И гордилась. Ее гордой осанкой, седыми косами, завязанными в узел, и глазами, которые видели все: прошлое, настоящее, и то, что еще не случилось.

Весь хутор ее побаивался. Не потому что она была злая - напротив, всегда помогала: кому травы от лихорадки, кому заговор от зубной боли, кому просто слово поддержки. Но знали: если Аксинья сказала - значит, так и будет. Она не гадала по картам для развлечения. Она чувствовала. Понимала язык ветра, шепот листьев, тревогу в глазах коровы перед грозой. И меня учила.

- Все живое слово свое вымолвить умеет, - говорила она, сажая меня на крыльцо. - Только слушать надо не ушами, а вот здесь. - И тыкала пальцем в грудь, прямо в сердце.

Я верила. Тогда - верила во все. В бабушкины заговоры, в приметы, в то, что если положить под подушку лепестки розы в ночь на Ивана Купалу - приснится суженый. Я была ребенком. А потом - подростком. А потом... приехала в Москву.

Родители не могли помочь. Мама - учительница литературы в школе, папа - инженер на заводе, который еле держался на плаву. Они отдали последнее, чтобы я поступила в педагогический.

«Станешь учителем, - говорила мама, - будет стабильность». Но я смотрела на нее и понимала: стабильность не кормит. Она всю жизнь пахала в школе и что?

Поэтому стабильность стабильностью, но жить-то хочется. Особенно когда ты молодая, а вокруг шумит Москва с ее дорогими магазинами, шмотками, тачками. И я решила - буду пробиваться. Авось что-то да получится. Сначала рабо-

тала репетитором. Потом устроилась еще и официанткой. В приличный ресторан. Там и зарплата была неплохая. И чаевые перепадали. Но потом...

Я закрываю глаза и вижу все как наяву...

Были Святки и девчонки в общежитии, где я жила, решили погадать. Кто-то принес воск, кто-то - зеркало, а я... достала колоду. Бабушкину. С потертой тканевой обложкой, с запахом полыни и ладана.

- Ого, гляньте! – завопила Светка. – Вот это карты! Я чур первая.

- Потом я, - подхватила Ольга.

Так все и началось. С шуток. С простых раскладов. Но... каково же было мое удивление, когда все стало сбываться! У Светки встреча с мужчиной в форме - через месяц она познакомилась с курсантом. У Ольги - переезд: ей предложили работу в другом городе. У Наташки - потеря, но потом - обретение: мама ее сильно заболела, но к счастью все обошлось, и они даже стали намного ближе, оставив все свои бесконечные скандалы в прошлом

Девчонки смотрели на меня, как на чудо. А я... я крепко задумалась... И уже не убирала колоду в дальний угол чемодана.

Сначала я гадала бесплатно. Потом - за чашку кофе. Потом - за деньги. Сарафанное радио работает лучше любой рекламы. Люди приходили. Студентки, их подруги, подруги подруг. Я училась. Читала. Пробовала. Ошибалась. Но чаще

- попадала в точку.

Так я сняла эту квартиру. Небольшую, с крошечной кухней и ванной. Но свою. Где я могу быть совсем-совсем одна. И это мне нравится.

Особенно после того как я чуть не вляпалась в одну историю. Хотя, что уж кривить душой. Я туда изрядно вляпалась....

Его звали Виталик. Высокий, симпатичный блондин, с обаятельной улыбкой и голосом, от которого мурашки. Мы познакомились в ресторане, где я продолжала подрабатывать, но уже не просто официанткой, а хостес. Работа не такая тяжелая – встречать и провожать гостей, принимать бронирование, да и платят лучше чем официантам.

Он пришел с друзьями. Но весь вечер не спускал с меня глаз. Потом пришел еще раз. И еще. А через пару недель появился букетом и сидел, ждал несколько часов пока закончится моя смена, чтобы пригласить меня «на кофе». От кофе я отказалась, но от прогулки – не смогла...

Спустя несколько свиданий, он пригласил меня к себе. А потом... утром... с какой-то странной улыбкой вызвал мне такси и больше я его не видела.

Нет, нет, с ним ничего не случилось. Он просто написал, что «ночь была прекрасной, но больше мы не увидимся», потому что он – цитирую: «два раза с одной и той же телкой не спит». Типа принцип у него такой.

Я слезаю с подоконника и иду на кухню. Заварить себе

чай. И чего я вдруг вспомнила про этого придурка?

А. Может быть потому что этот Игорь Сергеевич, с его улыбкой и хрипотцой, напомнил?

Не уверена конечно, что он придурок. Но он красив, богат и наверняка избалован. А с другой стороны, я же не собираюсь с ним спать!

Я фыркаю и качаю головой.

«Мда, дорогая Анна Александровна, что-то занесло вас».

Ладно, надо уже выпить чаю и тащить себя в душ. Завтра будет сложный день. Во-первых, надо купить себе что-то – для вечеринки самого Владилен Айнуровича у меня точно ни одного платья нет. Во-вторых, обновить маникюр. Работаю то я руками.

Но самое главное, мне нужен план.

Гонорар от Игоря – это прекрасно.

Но ведь у меня есть шанс войти в свиту Рустамова.

Такую золотую рыбку упускать никак нельзя!

Только вот золотые рыбки, как правило, исполняют три желания. А потом кусают за руку...

Глава 4

ИГОРЬ

Квартира встречает меня тишиной и запахом свежесваренного кофе - автомат включился по расписанию, как всегда. Я сбрасываю пиджак на диван, ослабляю манжеты и прохожу в ванную. Вода горячая, почти обжигающая - так я люблю. Я смываю с себя не только пыль дня, но и разговор с отцом, и мысли о завтрашнем вечере. Сегодня с меня хватит серьезных размышлений.

Я вытираюсь, натягиваю хлопковые штаны и футболку, наливаю большую чашку кофе. Похожу к окну. Москва мерцает внизу, как гигантская нейросеть, где каждый огонек - чья-то надежда, страх или амбиция. Огромный муравейник. Или вернее – человеконик?

Я хмыкаю – ну надо же какие забавные мысли вдруг обужали.

«Дин дон» - интерком возвещает о том, что время размышлений точно закончилось. Впереди – время удовольствий.

Подхожу к двери, тыкаю кнопку камеры. Да, я не ошибся.
- Привет, поднимайся.

Через пару минут в гостиной появляется Кристина. Блондинка, высокая, с идеальной фигурой, в темно-синем пла-

тье, которое стоит больше, чем месячная зарплата моей секретарши. В руках - бутылка Dom Pérignon. Улыбается, как рекламный щит: белоснежные зубы, томный взгляд, легкий изгиб брови.

- Привет, милый! - говорит она, ставя шампанское на стол. Подходит, целует в щеку. Запах ее духов - сладкий, дорогой, но немного навязчивый.

«Надо что ли ей новые духи подарить?» - думаю я, чуть отстраняясь.

- Откроешь? – она кивает на бутылку.

- Конечно. А что мы празднуем?

- Полгода, - отвечает она, как будто это очевидно. - С тех пор, как мы познакомились на вечеринке у Саши.

Я чуть не выпускаю пробку от шампанского. Полгода? Черт. Даже не задумывался. Обычно мои отношения длятся от недели до месяца. Максимум - два. А тут - полгода. И я... не сменил ее. Не потому что влюбился - нет, конечно. Просто... удобно. Она не требует внимания, не звонит каждые два часа, не устраивает сцен. Приходит, когда я зову. Уходит, когда я занят. Идеальный формат.

Я разливаю шипучку по бокалам, которые она добыла в шкафу.

- Ну, за нас?

- Ага!

Мы выпиваем. Шампанское холодное, игристое. Безупречное. Как и она.

- У меня для тебя подарок, - говорит Крис, опуская руку на мое колено. Голос - мягкий, соблазнительный.

- И какой же? - усмехаюсь я.

- Закрой глаза.

Я закрываю. И возвращаюсь к так удивившей меня мысли: я ведь действительно не замечал, сколько времени прошло. И не думал о ней как о «своей девушке». Интересно почему? Она красивая, ухоженная, не то чтобы глупая. Так-то вполне идеальная спутница. Да, на тусовки я ее почти не беру... Хотя это понятно - там слишком много других. Не то чтобы более ярких, а скорее просто... новых. А Крис - Крис уже «своя». Но при этом не «моя девушка» или, упаси боже, «моя невеста».

И вдруг я ловлю себя на мысли: интересно, а я когда-нибудь женюсь?

Не сейчас, конечно. Но когда-нибудь? Однажды?

Наверное да. Все мужчины из моего круга рано или поздно женятся. Не по любви - по расчету. Жена должна быть молодой, из хорошей семьи, без прошлого, без скандалов. Чтобы рожала детей, управляла домом, улыбалась на светских мероприятиях и не лезла в бизнес. Такой вот... аксессуар высшего класса.

Но это точно не Крис. Она слишком... опытная. Да и какая из нее жена? Я чуть не фыркаю в голос. Ей нужен не муж, а покровитель. Так что - все по-честному. Я даю деньги. Она...

- Открой глаза, - шепчет Крис, прерывая поток мыслей.
Я открываю.

И на мгновение теряю дар речи.

Она стоит передо мной в кружевном белье цвета слоновой кости. Тонкие ленточки, бантики, прозрачные вставки. Все продумано до мелочей - чтобы подчеркнуть, но не обнажить. Чтобы возбудить, но не шокировать. Она знает, что делает. Знает, что я люблю.

- Так... мой подарочек - это ты? - усмехаюсь я, хотя внутри все уже горит.

- Ага, - смеется она, приближаясь. - Только не испорти впечатление, как в прошлый раз.

- Ну порвал, - бормочу, уже развязывая первый бант, - Но ведь ты купила новое....

Она не отвечает. Просто кладет руки мне на плечи и целует. Поцелуй - уверенный, возбуждающий, терпкий. Да, стоит признать - она знает, что делает. Вернее так. Мы оба знаем. Наши тела понимают друг друга без лишних слов.

Я развязываю следующий бант. Потом еще один. Кружева сползают. Кожа - гладкая, теплая. Я провожу рукой по ее спине, чувствуя напряжение, ожидание. Она прижимается ко мне, и я слышу, как все быстрее и быстрее бьется ее сердце.

Я подхватываю ее на руки и несу в спальню. Укладываю на кровать. Она смотрит на меня - томно, игриво. Как положено.

Я целую ее шею, ключицу, грудь. Спускаюсь ниже. Она стонет, запуская руку мне в волосы. Я целую ее все ниже и ниже. Она ахает и выгибает спину.

А потом откидывается на подушки, тянет меня на себя, и я позволяю себе безоглядно нырнуть в эту бездну удовольствия, сосредотачиваясь на своем теле и ритме.

Глубже, глубже, глубже...

Еще, еще, еще...

Быстрее, быстрее, быстрее...

- О, о! – стонет она. – О, милый, о! Какой ты сильный!

Я чуть морщусь, а потом переворачиваюсь на спину и сажаю ее сверху.

Тут есть на что посмотреть. Грудь, талия. Господи, спасибо тебе за то, что ты создал такую красоту. Ну или кого там надо благодарить? Пластического хирурга?

Черт, о чем я думаю? Какая разница?

- Ну же, детка! Постарайся! Еще! Давай, давай! Даааааа...

Мы оба замираем.

Да. Это было вполне неплохо... Умеет она, конечно... Все технично и точно... Как партию в бильярд разыгрывает – удар, удар, еще удар и вот уже мой шар в ее лузе по самое небалуйся...

Хотя причем тут бильярд? Хрен знает...

Я выдыхаю, а она бросается рядом со мною на кровать и прижимается головой к моему плечу.

Я целую ее в макушку. Сегодня она явно постаралась на славу.

- Останусь на ночь? - спрашивает она.

- Хорошо, - отвечаю я после секундной заминки, потому что обычно прошу уйти.

Она улыбается, закрывает глаза и моментально засыпает.

А я смотрю в потолок и думаю: надо бы тоже поспать. Я бросаю взгляд на Крис. А потом беру подушку и перемещаюсь на диван. Не люблю спать с кем-то. А мне надо хорошенько выспаться.

Завтра - банкет. Завтра я должен произвести впечатление на Владилена Айнуровича. Главное, чтобы эта рыжая бестия не подвела. Она чудная, конечно, но выбора у меня все равно уже нет.

Хотя - странно. Когда это у меня появилась привычка думать перед сном о женщинах мало того что плоскогрудых, так еще и таких, которые смотрят на меня как на пустое место?...

Глава 5

АННА

Утро начинается с кофе и списка. Я забиваю в заметки: платье, клатч, маникюр, макияж, укладка. Все должно быть идеально. Не красиво - идеально. Потому что сегодня я не Анна из общаги, не гадалка с окраины.

Сегодня я - «потомственная ведьма», доверенное лицо Игоря Сергеевича, человека, который, судя по всему, считает, что весь мир - его подиум. И возможно будущий советник самого Рустамова...

Но об этом лучше пока не мечтать. Все сложится так как должно.

Я еду в торговый центр. Не в тот, где шопятся жены олигархов, а в тот, где продают театральные костюмы, винтаж и одежду для тех, кто хочет выглядеть... значимо. Нахожу то, что нужно почти сразу: черное платье до щиколотки, с высоким воротом, длинными рукавами и тонкой кружевной отделкой по подолу и манжетам. Никакой открытости и сексуальности. Только тайна и власть через сдержанность.

Сверху - накидка. Темно-бордовая, почти черная, с капюшоном, слегка напоминающая монашескую мантию. Но без религиозного подтекста. Исключительно эстетика и образ. Примеряю. Смотрю в зеркало. Да. Отлично. Это не костюм.

Это маска. А маски - мое оружие.

Потом - клатч. Маленький, кожаный, черный, с белой застежкой в виде полумесяца. И наконец крошечные черные лакированные балетки.

Еще раз оглядываю себя в зеркало. Бабушка бы одобрила. Она всегда говорила: «Внешность - это первое заклинание. Если ты не внушаешь уважения с порога - тебя не услышат».

Маникюр - френч. Чистота, строгость, сдержанная элегантность. Пальцы должны быть видны - когда я буду раскладывать карты, жестикулировать. Они должны выглядеть как инструменты, а не украшения.

Дома - легкий макияж. Тени - пудровые, подводка - тонкая, четкая, губы - матовые. Волосы - гладкий хвост. Никаких кудрей, романтических волн. Порядок и контроль.

Ровно в половине седьмого такси подвозит меня к уютному ресторану, расположенному в центре небольшого загородного поселка. Судя по смске от Игоря, встречаемся мы здесь. А дальше – уже вдвоем – едем в поместье.

Ветер треплет край накидки. Я вижу, как на меня смотрят посетители ресторана - с любопытством, с недоверием, с насмешкой. Но мне все равно. Я здесь не для них.

Игорь ждет за дальним столиком. В дорогом костюме, с идеальной прической, с той самой улыбкой, от которой, наверное, девушки теряют голову. Он замечает меня - и на мгновение его глаза расширяются.

- Ну и что это? - спрашивает он, когда я опускаюсь на стул

рядом с ним. - Вы что, собираетесь сжигать еретиков после банкета?

- А вы что, боитесь, что я начну с вас? - парирую, выдавая одну из своих самых очаровательных улыбок.

Он смеется. Громко. Слишком громко. Как будто пытается скрыть, что мой образ его задел. Или, может, впечатлил.

- Но только вас сжигать будет сложновато, - продолжаю.

- Это почему же? – щурится он.

- Золото не горит. Оно плавится.

- Золото?

- Ну вы же золотой мальчик, - говорю я, глядя прямо в глаза. - Хотя возможно это только обертка, под которой ничего особенного нет.

Его улыбка становится жестче. Он открывает рот, но выдает не грубость, которую я уже жду, а тихий смешок, за которым скрывается... уважение?

- Ладно, - он наклоняется ко мне. – Давайте обсудим...

- Стратегию? – встречаю я.

- Типа того. Итак, вы - моя гадалка. Не философ, не критик, не моралистка, - он фыркает.

- Отлично, - я растягиваю губы в улыбке. - А вы - мой клиент. Не принц, не бог, не хозяин вселенной.

- Да уж не хозяин, - усмехается в ответ.

И я понимаю, что тяжесть, которое давила на меня весь день, исчезает. Наступает время действия.

- Так вот, Игорь Сергеевич...

- Лучше - Игорьь.

- Разумно. Так вот Игорьь. Если разговор зайдет обо мне – а он зайдет, я не сомневаюсь, скажете Владилену, что вы давно интересуетесь эзотерикой. Что искали мастера, который работает не ради денег, а ради истины. Что вы чувствуете энергетику людей. Что вы верите в карму.

- Я во все это не верю, - ржет.

- А никто и не просит вас верить, - отвечаю. - Сыграйте. Убедительно. Как настоящий клиент гадалки. Не как человек, который купил услугу, а как..., - я запинаясь подбирая слово, - Как осознанная личность, которая в поиске истины.

Он таращится.

- Мы должна быть на одной волне, понимаете? – продолжаю я. – Вы – ищущий, я – знающая.

- А как же клиент и гадалка? – подмигивает.

- Это мелко для такого человека как Владилен, - вздыхаю.

Все-таки он туповат что ли?

- А я в школе еще мечтал в какой-нибудь театрально постановке сыграть, - он мечтательно прикрывает глаза.

- Не взяли? – я приподнимаю бровь. – Такого красавчика?

- Взяли бы, - он хмурится. – Но было не до того.

Я озадаченно таращусь, мне показалось или в фразе промелькнула грусть? Хотя, какая разница. Не о том думаешь, детка!

- Зато теперь, - он улыбается широко и открыто, - Есть шанс поиграть!

- Вы думаете, эзотерика - это театр?

- А разве нет? - он хмыкает. - Вы же сами сказали, что оказываете услуги. Как... ну там... массажист. Или нотариус.

- Нотариус? - я чувствую, как мои глаза лезут на лоб.

- Ага, - он подмигивает.

- Так... - я чувствую, как опять начинаю заводиться.

- Время вышло, - хлопает по столу, - Нам пора.

Я хочу встать, но он неожиданно протягивает руку и прикасается к моим пальцам.

- Только, пожалуйста, не нужно на меня «так» смотреть.

- Как?

- Как будто я мусор, - произносит он, а потом отдергивает руку и встает. - Поехали, водитель на парковке.

Мы проходим к машине, он открывает передо мною заднюю дверь. А потом плюхается рядом сам.

- Мне нужно что-то еще знать? - спрашивает он, скосив на меня глаза.

Я произношу расхожие фразы, принятые в эзотерических кругах. Он пробует их практически «на зуб». Я поправляю интонацию, жесты, даже паузы. Он смеется - сначала насмешливо, потом - с интересом.

Пять минут и мы подъезжаем к большим кованым воротам, за которыми виднеется красивый особняк.

- И последнее, - говорю я прежде, чем выйти из машины, - Если Владилен спросит что-то личное - я отвечу так, как посчитаю нужным. И, пожалуйста, не вмешивайтесь.

Он пожимает плечами, а потом выходит из машины и подает мне руку.

Ну что же, надо признать, что если ума и маловато, то воспитание у Игоря Сергеевича по крайней мере есть.

Я опираюсь на руку и выпархиваю.

Только вот одна мысль не дает покоя: если это действительно начало новой прекрасной жизни - почему у меня все внутри сжимается?

Глава 6

ИГОРЬ

Ворота поместья распахиваются медленно, словно сам дом решает - достойны ли эти люди сюда зайти. За ними - аллея из старых лип, фонари в стиле XIX века и тишина, слышен лишь шелест колес по гравийной дорожке.

Да, умеет Рустамов жить. У моего папочки все сильно проще. Хотя и состояние у Айнуровича сильно больше, чем наше.

Наконец машина паркуется, я выхожу и подаю руку «моей» гадалке. Ее зрачки чуть расширяются. Ага, не ожидала, что у «золотого мальчика» есть приличные манеры.

Впереди лестница, ведущая в центральные двери особняка. Я скашиваю глаза на Анну. Она идет рядом, прямая, собранная, с лицом, на котором не дрогнул ни один мускул. Только глаза - зеленые, как изумруды, - сверкают, скользя по фасаду особняка. Видно, что она удивлена. Масштабом. И, кажется, чем-то еще.

Мы заходим внутрь.

Хостес - девушка в черном платье - встречает нас с безупречной улыбкой.

- Добрый вечер Игорь Сергеевич.
- Добрый, - улыбаюсь я в ответ. – Моя спутница Анна.
- Очень приятно. Проходите пожалуйста.

Она делает незаметный жест, и к нам подлетает официант с подносом, заставленным бокалами с шампанским.

- Благодарю, - говорю я и беру пару бокалов. Один для себя, другой для Анны.

- Пусть все получится, - говорит она, а потом чокается со мной и делает крошечный глоток.

Мы проходим в гостиную.

- О, - фыркаю я. – А вы угадали с маскарадом! – и перевожу взгляд на группу гостей у дальней стены.

Она поворачивает голову. Уголки ее губ приподнимаются в смешливой улыбке. И я тоже невольно улыбаюсь, оглядывая компанию: длинные приталенные платья женщин напоминают дворцовые приемы какого-нибудь восемнадцатого века, на одном мужчине бархатный жилет, а на другом пиджак, смахивающий на камзол. Все это выглядит как смесь средневекового двора и эзотерического конвента.

- Похоже, это его «команда», - в полголоса произношу я, наклоняясь к ее розовому ушку. - Как там...? – я делаю вид, что задумался. – А, ну да: астрологи, нумерологи, энергетики... хотя нет: энергетик - это напиток.

Анна поджимает губы. Шутка видимо не зашла. А может она меня и не слушала вовсе. Я же вижу, как она напряжена, как ее пальцы слегка сжимают клатч... Или... нет. Не напряжена. Вздволнована. И тут я понимаю - да она в предвкушении!

Я слежу за ее взглядом, который скользит по интерье-

ру. Не только роскошному. А... по-настоящему, до мелочей продуманному. На потолке - роспись, напоминающая созвездие, на полу - мозаика, похожая на мандалу. Я такие видел в Китае, когда ездил туда с бизнес-поездкой, закончившейся разгулом в пентхаусе. Даже свет - не освещение, а игра теней и отражений, специально рассчитанная, чтобы создавать определенное настроение.

- Это все... типа знаки? - спрашиваю я тихо.

- Да, - отвечает она, не отводя взгляда от одного из гобеленов. - Здесь... все закодировано. Символы защиты. Энергетические узлы. Это не дом. Это... храм. Для него.

Я не понимаю половины того, что она говорит. Но чувствую: она не врет. Она чувствует это место. Мда. Если она права - значит, Владилен Айнурович не только чудака с деньгами. Он - человек, который строит свою реальность по своим правилам. И если я хочу в нее войти, мне придется во все это играть. Без иронии. Без насмешки.

- Ты нервничаешь, - замечает Анна, не глядя на меня.

- А чего это «вы» мне говорите «ты», - парирую я, чтобы не признаваться, что она – увы – права.

- Не заметила. Но это хорошо, - она задумчиво качает головой. – Значит я готова сблизится. А это необходимо.

- Почему?

- Потому что ты нервничаешь, - повторяет она. - У тебя пульс на шее бьется, как у испуганного кролика.

Я смотрю на нее. И понимаю. Она не издевается. Она...

наблюдает. Как профессионал. Как тот, кто знает, как устроены люди. И от этой мысли я почему-то успокаиваюсь.

- Ну вот и хорошо, - говорит она, заглядывая мне в глаза.
- Похоже буря улеглась. Ты молодец. Быстро справился. Тут всем не по себе. Поверь.

- Почему? - спрашиваю я и понимаю, что этот вопрос я задаю снова и снова. Как попугай.

- Потому что пространство такое, - загадочно отвечает она. - А теперь думаю пора идти здороваться с хозяином дома.

Владилен Айнурович стоит у камина. Невысокий, плотный, стрижка под ноль, небольшая бородка с проседью. И пронзительные карие глаза. На нем - бархатный пиджак темно-бордового цвета, белая рубашка без галстука, на пальце - перстень с черным камнем. Он разговаривает с женщиной в очках, но чувствует наше появление. Поворачивается. Смотрит. Сначала на меня. Потом - на Анну.

В его взгляде - проскальзывает любопытство и оценка.

- Какой у вас прекрасный дом, - говорю я совершенно искренне.

- Благодарю, - голос неожиданно высокий, резкий. - Год проект согласовывали, еще два - строили. И вот уже пять мы тут прекрасно живем.

- Это моя спутница Анна, - продолжаю я.

- Очень приятно, - Владилен протягивает руку и наклоняет голову.

- Анна, - повторяет он, пробуя имя на вкус. - Не часто встречаю тех, кто приходит сюда в настоящем обличье.

- Обличье? - переспрашивает она, подавая ему свою ладошку.

- Вы не переодеты под ведьму, - говорит он, пожимая ее руку. - Вы - и есть ведьма.

- Какая лестная оценка от «видящего», - Анна улыбается. – И соглашусь со своим спутником, ваш дом – произведение искусства!

- Я вложил сюда..., - он чуть запинаятся. – ...многое.

- Моя бабушка всегда говорила: «Если ты не вкладываешь все, если не веришь в то, что делаешь - мир не поверит в тебя».

Лицо Владилена теплеет.

- Мудрая женщина, ваша бабушка. Откуда она?

- Она жила на хуторе под Ростовом.

- А-а, - тянет. - Казачка, значит? Юг - земля силы. Там еще помнят, как говорить с ветром.

Они начинают разговаривать. О травах. О заговорах. О том, как животные чувствуют перемены в мире раньше людей.

А я стою рядом, как лишний. Но не злюсь. Скорее удивляюсь тому, как Анна «вписалась» в это все. И похоже Владилена это чувствует не хуже меня.

Прислушиваясь к их разговору и время от времени кивая, когда кто-то из них обращает взгляд на меня, я думаю, что он

не только верит во всю эту чушь. Он реально строит на ней свою жизнь. И это напрягает, потому что я пока совсем не понимаю, как вести себя в мире, где решения принимаются по положению Луны.

Анна замечает мой дискомфорт. Бросает на меня короткий взгляд.

- Владилен Айнурович, - говорит она, - Игорь очень интересуется вашим подходом к бизнесу. Особенно тем, как вы сочетаете рациональное и интуитивное.

Он поворачивается ко мне.

- Так вы верите в интуицию, Игорь Сергеевич?

Я делаю паузу. Вспоминаю наставления Анны.

- Я думаю, что интуиция отличный помощник, - говорю я.
- Особенно в сложных вопросах. Таких где нет возможности просчитать все риски, но есть необходимость опереться на себя и свою, так называемую, чуйку.

Он смотрит на меня долго.

- Хороший ответ. Но недостаточный. И это интересно, потому что есть о чем поговорить. А теперь извините меня, нужно пообщаться с новоприбывшими гостями.

Он разворачивается и отходит, оставив нас одних.

Я выдыхаю. Анна смотрит на меня.

- Ну что, золотой мальчик, - говорит она тихо, - теперь веришь, что это не театр?

- У него точно, - отвечаю я. - И хрен знает как со всем этим быть.

Она улыбается. Впервые - по-настоящему.

- Тогда держись за меня. Пока я рядом - ты не утонешь.

- Слушаюсь и повинуюсь, моя прекрасная ведьмочка, - фыркаю я. – Только прекрати называть меня «мальчиком».

- Договорились, - отвечает она. А потом протягивает свою тоненькую ручку, и крепко пожимает мою ладонь.

Тоненькая. Холодная. Сильная.

Я и не помню когда в последний раз кто-то жал мне руку вот так, как... равный?

Стою. Держу её руку. И никак не могу заставить себя отпустить...

Глава 7

АННА

Я не люблю толпы. Особенно когда эти толпы состоят из людей, которые считают, что их вкус в одежде - это божественное откровение, а их мнение о чужой жизни - священный долг. Но сегодня я не просто в толпе. Я - в центре внимания. Или, точнее, на грани этого центра: достаточно близко, чтобы быть замеченной, но не настолько, чтобы оказаться под микроскопом.

Игорь держится рядом. Он удивительно быстро адаптировался к роли «искренне заинтересованного эзотерикой». Его ирония никуда не делась, но теперь она приглушена, как свет в старинном фонаре - теплая, но не режущая глаз.

Он задает вопросы другим гостям, улыбается, слушает. И делает это так естественно, что даже я начинаю верить: может, он и правда когда-нибудь поймет, что в этом мире есть что-то большее чем мы способны увидеть и понять.

Мы обходим гостиную, здороваемся, болтаем ни о чем. Я ловлю на себе взгляды - любопытные, оценивающие, а еще... еще завистливые. Особенно от женщин. Они смотрят то на мое платье, то на Игоря, то снова на меня - и явно пытаются понять, кто я такая и почему я рядом с этим красавчиком, которого тут видимо знают.

А Игорь не спешит развеять туман сомнений. И это хорошо, мне это нравится. Клиентов среди этой толпы я искать не собиралась. У меня другая цель. К которой, правда, я пока не очень понимаю, как подступиться.

К той самой группе - у дальней стены – мы пока не подходим. Хотя я чувствую тяжелые изучающие взгляды, которые они время от времени на нас бросают. И энергию - плотную, напряженную, почти хищную. Они - свита. И они уже решили, что я чужая.

Как там Игорь сказал? Пигалица, которая думает, что что-то знает про вселенную. Вот-вот. Дурочка, желающая вторгнуться в их закрытый круг без приглашения.

Боюсь ли я их? Нет. Но липкое внимание, если уж совсем честно, бесит. И я решаю по возможности пока держаться подальше. Мне нужны не они, а их босс.

Но выбора не дают.

- Анна! - раздается голос Владилена. Я и не заметила, как он переместился к ним. И теперь машет мне рукой. - Подойдите, познакомьтесь!

Сердце замирает, но я не показываю. Улыбаюсь самой благожелательной улыбкой, и взяв Игорь под руку – ну а что, хоть какое-то плечо рядом, пусть и такое ненадежное - подхожу.

- Друзья, это Анна, - говорит Владилен с такой интонацией, будто представляет королеву.

- Анна? - протягивает женщина лет сорока в длинном тем-

ном платье, идеально подчеркивающим стройную, подтянутую фигуру. Ее лицо красиво, но все впечатление портят глаза - холодные, как лед. - Ну здравствуйте, Анна.

- Добрый вечер, - отвечаю я.

- И чем же вы нас удивите? - хихикает другая женщина, помоложе, с каштановыми кудрями и ярко-красными губами.

- Увы, - отвечаю я, - Даже не знаю. Как-то не приходилось раньше выступать в роли цирковой собачки.

- Марина, - почти мурлычетт Владилен, - Давайте будем помягче с коллегами по цеху.

- О, - брюнетка делает большие глаза. - Анна – наша коллега?

- Разве ты не чувствуешь? – Владилен хмыкает.

- Спасибо, Владилен Айнурович, - говорю я, - Здесь столько «сильных»... Не мудрено и... ошибиться в оценке.

- Возможно, - он бросает на меня оценивающий взгляд, пытаюсь видимо понять: я хочу высказать уважение к его свите или же наоборот показать ему, что они не так уж и хороши.

- Ну и кроме того, - продолжаю я неожиданно даже для самой себя, - Та защита, которую вы совсем недавно установили по периметру..., - я запинаюсь, подбирая слово, - Она искажает... влияет на восприятие...

Я чувствую, как Игорь кидает на меня удивленный взгляд, вижу, как прищуривается Владилен и чувствую, как «подбирается» вся его свита.

- Защита? – голос Владилена становится ниже, взгляд тяжелеет.

- Простите, - мне не приходится играть раскаяние, я и правда растеряна, и удивлена своим собственным словам. – Возможно мне не стоило говорить это... прилюдно.

- Любопытно, - Владилен щурится. – Ведь мне говорили, что...

Но продолжить он не успевает. Рядом с нами открывается дверь, ведущая куда-то внутрь дома, и в гостиную входит девушка. В белом платье с высоким воротом и длинными рукавами - скромном, почти монашеском, но невероятно красивом. Ее волосы собраны в аккуратный пучок, лицо - чистое, без макияжа, глаза - большие, темные, почти черные.

Рядом с ней - женщина лет пятидесяти. Строгая, с прямой спиной, в темно-синем платье, без единой яркой детали, за исключением тоненькой золотой цепочки, чуть посверкивающей в свете ламп.

- Добрый вечер, дорогие друзья! - улыбается женщина. – Рада всех вас видеть. С кем мы еще не знакомы: я – Ираида Петровна, а это наша именинница София.

Гости отзываются приветственным шумом.

- Ну что же, простите что заставили вас ждать, но ужин наконец-то накрыт и я прошу всех пройти за мною.

«Черт, а подарок-то, подарок?», - проносится в моей голове.

Пока гости начинают двигаться в столовую, я тяну Игоря

в сторону.

- А ты подарок купил? – шепчу я. – У этой Софии день рождения же?

- Так ты – мой подарок, - как-то странно хихикая говорит он.

- В смысле?

- Ладно, ладно, не пугайся, - он похлопывает меня по руке.

– Подарок не нужен. Это особо оговорено в приглашении.

- А, ну лааааадно, - тяну я, - Хотя странно, конечно.

- Да ты же видишь, что тут все... странно.

- Она не видит, - раздаётся сзади голос Владилена.

Мы дружно поворачиваемся - он стоит прямо за нами.

- Я..., - начинаю я, пытаюсь понять, что сейчас сказать.

- Она чувствует, - говорит Владилен. – Так ведь?

Я делаю неопределенный жест. То ли подтверждая, то ли сама не знаю что.

- Ну вот и прекрасно, - Владилен видимо считывает жест как «да». - Пойдем уже поедим. Что-то я проголодался.

- После вас, - Игорь галантно пропускает Владилена вперед.

- Спасибо, - тот делает несколько шагов. А потом оборачивается.

- Анна, - говорит он, глядя так, что у меня по телу пробегают мурашки. - Прошу вас немного задержаться по окончании банкета. У меня к вам есть пара вопросов.

Я смотрю в его глаза. И понимаю: то ли я выиграла джек-

пот, то ли лоханулась так, что последствия будут крайне неприятными.

Интуиция молчит.

И само по себе ответ - только не тот, который хочется слышать.

Глава 8

ИГОРЬ

Рассадка в столовой – большой, красивой, стильной - оказалась как в банкетных залах – по кругу столы на шесть персон с полной сервировкой и свечами в витиеватых серебряных подсвечниках. И главный – с принимающим семейством – в центре.

Я сижу рядом с Анной. Почти весь вечер она помалкивает. И почти ничего не ест. Лишь церемонно пробует каждое новое блюдо, а потом откладывает приборы.

- Ты в порядке? – спрашиваю я, когда очередную перемену тарелок унесли нетронутой. – Вкусно же, разве нет?

- Вкусно, - она пожимает плечами, продолжая пялиться в стол.

- Но ты не голодная?

Она досадливо морщится, чуть поведя плечами.

- Ты в столе дырку сейчас прожжешь, - пытаюсь пошутить я. – Или ты ждешь, что из-под скатерти выползет змея?

- Нет змей, - отвечает она коротко. - Только люди.

Я вздыхаю. Мда, к беседам, а тем более шуточкам, она явно не расположена. Сидит прямая как палка. В глаза раздражение. Или нет... не раздражение... концентрация. Как у хирурга перед разрезом.

Ладно, пусть сосредоточится. Побуду фоном, что поде-

лать.

Но сидеть и «не отвечивать» я не умею.

Поворачиваюсь к соседу справа – пожилому мужчине в дорогом, но слегка помятом костюме. Представился как Леонид Петрович, «бизнес-партнер» Владилена Айнуровича. Судя по тому, как он произносит это словосочетание, партнерство давно превратилось в покорность.

- Погода сегодня удивительно теплая для октября, - говорит он, словно только что открыл закон природы.

- Да. Почти как весной.

- Это знак, - вмешивается женщина слева. - Луна в соединении с Венерой. Энергия раскрытия. Владилен Айнурович специально выбрал этот день.

- Конечно, - улыбаюсь я, хотя так и хочется ляпнуть что-то вроде: «великий Владилен не только бизнесом, но и погодой управляет, да?».

- Как вам последние новости? – спрашивает Леонид Петрович.

- Какие именно? – вежливо интересуюсь.

Он начинает перечислять – то и се, пятое и десятое. Я поддакиваю. А дама про «Луну с Венерой» внезапно начинает рассказывать о новом ресторане в центре Москвы, а потом о том, как сложно найти хорошего массажиста.

Я делаю заинтересованный вид, но мои мысли уже далеко.

Интересно, зачем Владилен попросил Анну задержаться. А еще интереснее – что делать мне? Могу ли остаться и я

тоже? Или он попросит меня уйти?

Эта мысль заставляет меня напрячься.

Я ведь привел ее сюда как свою... ну типа «свиту» тоже. Как атрибут. Чтобы показать: «Вот, я тоже в теме. Я уважаю ваш мир». А теперь она - центр внимания. Она - загадка. Она заинтересовала Владилена.

И если она войдет в его круг... если станет одной из этих «видящих»...

Черт.

Она получит доступ к телу. И влияние.

А я? Я останусь с пустыми руками и историей о том, как пытался подкатить к Рустамову, но в итоге оказался лишь звеном между ним и этой рыжей ведьмой. Звеном, которое их объединило. Но не получило от этого союза никаких дивидендов.

А дальше... дальше я иду к отцу и получаю шиш с маслом.

Я беру в руки бокал, чуть не расплескав вино. Дама-Луна удивленно приподнимает брови. Но ничего не говорит. В отличие от занудного дядьки.

- Вы нервничаете, Игорь Сергеевич? - спрашивает он.

- Нет, что вы, - я выдаю самую лучезарную улыбку, на которую способен. - Устал, - Последние дни... было... очень много работы.

- Ах, молодость, - вздыхает он. - Поверьте мне – нельзя столько работать, нужно уметь и отдыхать.

«Это уж я точно умею, - пролетает в голове мысль. – Толь-

ко вот папаша не ободряет».

- Но, - продолжает Леонид Петрович, - Как я вас понимаю...

Он заводит очередную нудную шарманку – теперь уже о пользе «правильного» отдыха.

Я периодически киваю, надеясь, что попадаю в такт его рассказу.

И тут Анна придвигается ко мне.

- Не злись, - говорит тихо, так чтобы слышал только я. - Я помню о наших договоренностях.

Я моргаю.

- Если Владилен реально заинтересовался, - продолжает она, - я тебе помогу.

- А если нет?

Она наклоняет голову.

- Это я и пытаюсь осознать. Что именно он хочет. Понять кто я. Или же..., - она чуть запинается. - Понять, откуда я знаю, например, про защиту. Может, он вообще думает, что ты притащил меня, чтобы выведать какие-то тайны. А я... лоханулась и проговорила о том, о чем не стоило.

Я смотрю на нее.

- А откуда ты знаешь?

Она качает головой.

- Понятия не имею. Оно само как-то... вырвалось.

Я молчу. Пытаюсь просчитать последствия обоих вариантов.

- Друзья! - голос Владилена вырывает меня из раздумий.

Я поднимаю глаза и вижу, что он стоит у своего стола с бокалом в руке. – Друзья, - повторяет он уже в полной тишине. – Давайте выпьем за мою дочь. За Софию. Сегодня важный рубеж – восемнадцатилетие. И я рад, что вы все смогли разделить наш праздник.

Я перевожу взгляд на девушку. Она сидит, опустив глаза, щеки пылают. Похоже ей не очень нравится всеобщее внимание. Хуже того, похоже если бы могла – она тотчас бы провалилась сквозь пол.

- За тебя, моя звезда, - говорит Владилен и целует ее в макушку.

Гости поднимаются, поднимают бокалы и произносят почти стройным хором: «За Софию!»

Боковые двери распахиваются, и официанты вкатывают тележку, на которой возвышается торт. Огромный, белоснежный, с серебряными узорами и живыми цветами. София берет нож - дрожащей рукой - и отрезает первый кусок. Отдает отцу.

Официанты быстро дорезают остальное и начинают разносить гостям. Потом еще быстрее разносят чай и кофе. И ужин как-то скоростно сворачивается. Еще минуту назад мне казалось, что он тянется как какой-то бесконечный сериал ни о чем, но – хоп – и вот уже все встали и идут к выходу.

Анна опирается на мою руку, и мы двигаемся за всеми.

Почему-то опять в конце толпы. И опять – ровно, как и перед банкетом – сзади появляется Владилен.

- Анна?

Мы оборачиваемся.

- Уделите мне немного времени?

Она кивает, а потом переводит взгляд на меня, пожимает мне руку и идет за Владиленом.

Я опускаю голову. Похоже, меня не зовут. Вот же...

Но тут Владилен оборачивается.

- Игорь Сергеевич, - говорит он, - Ну что же вы застыли? Пойдемте.

Я поднимаю глаза.

Анна вопросительно приподнимает бровь. В ее взгляде - ни триумфа, ни страха. Только вопрос: «Ты идешь?»

Я делаю шаг вперед.

- Иду.

Глава 9

АННА

Кабинет Владилена Айнуровича - полная противоположность остальному дому.

Там, где в гостиной и столовой царит роскошь, продуманная до мельчайших деталей, здесь - почти монашеская строгость. Стол из темного дерева без единого украшения, два кресла, диван в углу, книжные полки с аккуратно расставленными томами.

- Прошу, - говорит Владилен, указывая на кресло напротив стола. - Присаживайтесь.

Я сажусь, Игорь держится чуть в стороне. И я спиной чувствую, как он напряжен. Но сейчас мне нужно думать не об Игоре.

- Чем вы пользуетесь? - спрашивает Владилен, садясь напротив меня. - Картами? Рунами? Хиромантией?

- Колода Таро, - отвечаю я. - От бабушки.

Он прищуривается. В глазах нет любопытства, только уверенность и сила.

- Я хочу, чтобы вы сделали мне расклад.

- Да, конечно, что именно вы хотите посмотреть?

- А можете без конкретного запроса? Общую энергию моих дел?

Я достаю колоду из клатча. Кожаный чехол, потертый по

краям, с вышитым символом - полумесяц внутри круга. Руки привычно тасуют картинки, пока я настраиваюсь на Владилена. Минута, другая и да – я чувствую связь. Пора.

Я раскладываю карты на столе. Смотрю на расклад. Среди Малых и Средних Арканов - несколько Старших карт. И три из них: Сила, Повешенный, Башня перевернутые. Это плохо...

Я на секунду закрываю глаза. И начинаю.

Я говорю. Он кивает. Иногда согласно, иногда вопросительно. Слова льются сами. Раньше я этого даже пугалась. Теперь принимаю как данность.

- Так что, - заканчиваю я, - Дела у вас в порядке. Но... Зависаю.

- Но? - взгляд Владилена становится острым.

- У вас есть одна идея, - сглатываю ком. - Манящая, будоражащая. Но... это не просто идея. Это идея-фикс.

- Что такое «идея-фикс»? - вмешивается Игорь.

Я кидаю на него строгий взгляд: «Не лезь в чужой расклад!». Он делает больших глаза: «Простите-извините!».

- Это когда человек заикливается на чем-то, - отвечаю Игорю, поворачиваюсь обратно и заглядываю прямо в темные глаза Владилена.

Может быть не стоило этого говорить? Или может быть стоило сочинить что-то... Бордрящее или успокаивающее. Но я не могу - я таролог и должна говорить как есть.

- Идея-фикс кажется необычайно важной, - решительно

продолжаю, - Судьбоносной. Но на самом деле она не приносит плодов. Она - как корень, который растет внутрь, а не наружу. Если пытаться ее воплотить... в лучшем случае ничего не получится. В худшем – результат будет прямо-противоположный запросу... Вы не хотите что-то отпустить. Но вам придется это сделать. Если не остановиться - придут последствия...

Владилен молчит. Смотрит на карты. На меня.

- И с чем же связана эта... идея?

Я протягиваю руку и указываю на Королеву Пентаклей.

- С женщиной. Она - источник зарождения этой идеи.

Он замолкает надолго. Так долго, что я уже думаю - он сейчас встанет, скажет, что я слишком много себе позволяю, и вышвырнет нас обоих.

- Знаете, Анна, - говорит наконец. - Я действительно привык проламывать пространство. И если я решил что-то сделать - я сделаю. Даже если весь мир говорит: «нет». Особенно если говорит «нет».

Я моргаю.

- Я рад, что вы сегодня нашли время и посетили наш небольшой домашний праздник, - продолжает он. - Думаю, что впереди нас ждет много интересного.

- И что же? - выдавливаю из себя улыбку.

Владилен улыбается в ответ. Спокойно, уверенно. Как человек, который уже все решил. А потом встает, подходит к окну, смотрит на сад.

- Вы оба нужны мне, - бросает, не оборачиваясь. - По-разному. Но нужны.

Я смотрю на Игоря. Он не смотрит на меня. Он смотрит на Владилена. И на лице написано предвкушение.

И я чувствую, как внутри все сжимается. В висках начинает пульсировать. А картинка распадается на две половины. И я почти воочию вижу трещину. В этом доме. В этом человеке. В его плане.

Идея-фикс - опасна. Особенно когда за ней стоят миллиарды.

- Мне можно задать один вопрос? - спрашиваю я.

Владилен оборачивается.

- Конечно.

- Эта женщина... она знает, что вы хотите сделать?

Он смотрит на меня долго. Потом медленно качает головой. Да? Нет? Не лезь не в свое дело?

Я опускаю глаза. В голове - голос бабушки: «Не все, что кажется судьбой - путь. Иногда это - тень, обратная сторона пути».

- Ну что же, друзья мои, я благодарен за вашу компанию, - Владилен делает шаг к нам.

- Спасибо за гостеприимство - встает Игорь. Протягивет ему руку.

- Рад, всегда рад.

Несколько шагов и вот мы уже у двери. И тут Владилен произносит:

- Завтра в четыре жду вас в своем офисе.

- Что, простите? – я оборачиваюсь.

- Ну если вы не заняты, конечно.

- До завтра, - отвечает Игорь.

Берет меня под руку и буквально выволакивает из кабинета.

- Ну как мы его, а? - шепчет Игорь, едва мы оказываемся во дворе.

- И как? – я вижу триумф на его лице. Он уже уверен, что получил и доступ к телу, и будущее влияние.

- Я конечно нихрена не понял, что у вас там было про идею-фикс и какую-то там королеву. Но завтра я намерен заключить с ним сделку!

- Послушай, - я пытаюсь говорить мягко. - Ты намерен не сделку заключить, а ввязаться в игру, правила которой не знаешь. И Владилен - не тот, кто играет ради развлечения. Он играет, чтобы выиграть. Даже если для этого придется сломать... что-то или кого-то.

- Да ладно, - он улыбается, - Не нагнетай.

- Как скажешь, - говорю я, зябко поводя плечами. Ночь холодная. Звезды - яркие, как бриллианты.

Я смотрю на небо и думаю: что же ты затеял, Владилен Айнурович?

И почему именно мы с Игорем - твои фигуры на этой доске, в этой игре?

Глава 10

ИГОРЬ

Я сижу в углу кабинета Владилена, на диване, довольно далеко и от стола, и от Анны, и от самого Владилена. Но меня это устраивает - удобно наблюдать. Словно я не участник, а зритель. Хотя... нет. Сегодня я не только зритель. Сегодня я - часть чего-то большего. И это чувство одновременно пьянящее и тревожное.

Анна раскладывает карты. Медленно. Спокойно. Без всяких завываний, без театральных пауз, без «духовных трансов». Как человек, который делает свою работу. И все же... в этом простом движении есть что-то гипнотическое. Ее пальцы - тонкие, с короткими ногтями, без яркого лака - касаются колоды так, словно знают каждую карту наизусть. Не глазами. А кожей.

Я смотрю на нее и понимаю: она не играет. Это не маска. Это не роль. Это - она. Настоящая. Та самая, которую я увидел в своем офисе - прямую, дерзкую, с зелеными глазами, полными вызова. Только теперь в этих глазах - не вызов. А глубина. Такая, что хочется отвести взгляд, чтобы не утонуть.

Она говорит о «идее-фикс». О Королеве Кубков. О женщине, которая, видимо, стоит за всем этим. И Владилен слу-

шает. Не как клиент. Не как скептик. А как человек, который слышал правду и пытается ее осмыслить.

И в этот момент я ловлю себя на странной мысли: она - древняя.

Нет, не старая. Черт, ей, наверное, лет двадцать с хвостиком. Но в ней - что-то... доисторическое. Как будто ее душа пережила сотни жизней, а сейчас она временно заняла это тело - худое, рыжее, с плоской грудью и острым языком.

Я фыркаю про себя. Древняя душа? Да ты совсем спятил, Игорь. Скоро начнешь верить в реинкарнацию и кармические долги.

Но... почему тогда у меня мурашки по спине? Почему я чувствую, как воздух в комнате стал плотнее, как будто мы все трое оказались внутри кокона, где время замедлилось?

А потом я понимаю, что в воздухе сгущается угроза.

Как в детстве. Когда мне было лет восемь.

Мы с отцом на даче. Я бегаю по саду, ловлю бабочек, и - останавливаюсь. Потому что вижу: под кустом смородины что-то шевелится. Не ветер. Не птица. Что-то темное, блестящее, извивающееся. Змея. Гадюка. Я стою, как вкопанный. Сердце бьется где-то в горле. И в этот момент - не страх. А предчувствие. Точное, холодное, как лезвие: если сделаешь резкое движение - укусит.

Сейчас то же самое.

«Опасность», - шепчет внутренний голос.

«Да ну ладно», - отвечаю я сам себе.

Что за чушь? Это же шанс! Настоящий, огромный, золотой шанс! Доступ к Рустамову и его миллиардам. Войти в его круг, стать одним из приближенных... Нет, не приближенных – партнеров! И – здравствуй моя новая жизнь!

К черту страхи, предчувствия. Это обстановка так влияет. Расклады эти все, карты...

Осталось всего-то: приехать завтра на встречу и договориться о сотрудничестве.

Мы выходим из кабинета. Проходим по коридору, мимо картин, мимо молчаливых охранников.

На улице свежо. Ночь. Луна. Тишина.

- Мне все это не нравится, - шепчет Анна.

Я оборачиваюсь. Она стоит, обхватив себя за плечи. Но ей холодно не от воздуха. От чего-то другого.

- Почему? - спрашиваю я. - Все прошло отлично! Он... кажется... проникся. На встречу завтра позвал.

- Именно поэтому и не нравится. Как то все очень... быстро. А мы не понимаем, как он собирается нас использовать...

- Так разберемся же! - смеюсь я. - И потом, ты взрослая девочка. И должна понимать, что люди только так и живут: используя друг друга. Главное во время понять чью сторону занять. Чтобы использовали нас во благо себе и нам. А не топали против.

Она смотрит на меня. Долго. Потом вздыхает.

- Ты такой... наивный.

- Я не наивный, - возражаю. - Я циничный. Но я не глупый.

Я знаю, что это игра. И я готов играть.

Она молчит.

- Пойдем куда-нибудь, - предлагаю я. - Отметим.

- Не хочу, - говорит она.

- Почему?

- Устала.

- Ты просто голодная, - хмыкаю.

- Тоже верно, - щурится. - Во время банкета в меня вообще ничего не лезло.

- Я знаю отличное место. Поехали?

Она смотрит на меня. В ее глазах - усталость. Но и еще что-то. Может, смягчение?

- Обещаю хорошую еду и немного отличного вина.

- Ладно. Уговорил.

Я достаю телефон, вызываю такси. Через пять минут мы садимся на заднее сиденье и машина плавно стартует.

- Ты сегодня... - начинаю я, но не знаю, как закончить.

- Что? - спрашивает она.

- Ты была... настоящей.

Она поворачивается ко мне. Уголки губ чуть приподнимаются.

- А ты думал, я фальшивка?

- Я думал, ты актриса.

- Может, и актриса. Но не в том, что важно.

Я перевожу взгляд за окно. Особняк остался позади. А впереди... Да вот хрен знает, если честно, что там впереди.

Оно пока совсем непонятно. Большое. И, возможно, опасное.

Но мне все равно.

Потому что впервые за долгое время я чувствую: я сам творю свою жизнь.

И, черт возьми, это чертовски приятно.

Приятно от Фонда. От Владилена. И - да - от... этой девицы, которая тихо сидит рядом.

Глава 11

АННА

Ресторан - тихий, полутемный, с приглушенным светом и легким джазом, льющим из колонок. А еще - дерево, бархат и запах старого вина. Идеальное место, чтобы отдохнуть после вечера, где каждое слово могло стать ловушкой.

Мы сидим за дальним столиком, напротив друг друга. Игорь заказывает бутылку красного. Сухое, темное, с горчинкой. Я в винах не очень разбираюсь, но по ощущениям, оно редкое и, наверное, дорогое.

- Ну что, ведьма, - говорит он, забирая бутылку у официанта и самолично наливая мне бокал, - Довольна вечером?

Я поднимаю бровь.

- Ого, теперь ты готов признать, что я не дурочка в костюме?

Он кивает – нарочито, демонстративно, насмешливо. Но в его глазах я вижу не только смешливые искорки, но и что-то похожее на уважение.

- Ты оказалась лучше, чем я думал, - произносит он. - Гораздо лучше.

- Ничесе, - фыркаю я. - Это комплимент?

- Это констатация факта. Я думал, что ты... актрисуля.

- Да?

- Ну а что мне оставалось думать, когда ты надела на себя

вот это, - он тыкает пальцем в мое платье. – Нормальные девушки так не одеваются.

- А как одеваются нормальные? – хихикаю я. – Разрез до пупа и длинна чуть ниже кружевных трусиков?

- Хммммм, - он прищуривается. – Я бы посмотрел...

- Не надейся, - я резко сжимаю губы, потому что мне вдруг захотелось показать ему язык. Вот же детский сад.

- Но тебе такое... вряд ли подойдет.

- Почему? – я слышу в своем вопросе обиженные нотки.

- Потому что ты...мелкая пигалица с острым языком и странными идеями о мире... но без больших сисек!

- Чееееегооо? – я аж подпрыгиваю.

- Ой, ой, - он откидывается на спинку стула в притворном ужасе. – Как я посмел сказать такое. Где мое воспитание?

- Сиськи – не главное, - выдаю я.

- Кому как, - отзывается он.

- Ты... ты... - я начинаю беситься уже всерьез.

- Я безмозглый дурак. В отличие от некоторых. Пусть и плоских, но очень умных, тонких, сильных личностей.

Я открываю рот, чтобы сказать ему очередную колкость, но неожиданно понимаю, что последние несколько слов он произнес совершенно серьезно.

- А еще..., - он наклоняется ко мне, - Там, во время расклада, я подумал, что ты, как бы это сказать то... нууу... в общем... типа древняя душа.

- Что, прости? – я не верю своим ушам.

- Но потом, я, конечно, решил, что это все какая-то чушь, которую я подхватил от вас с Владиленом. Как вирус.

И тут я наконец-то смеюсь. Весело, громко, в голос. Выпуская все напряжение, скопившееся за вечер. Да что там за вечер? За два дня. Если считать с той минуты, как я пришла в кабинет этого несносного индюка.

- Ой, не надо про душу, хватит уже на сегодня эзотерических разговоров, - еле выговариваю между приступами смеха.

- Расскажи мне о себе, - он откладывает вилку. - Ты родилась на юге?

- Откуда ты знаешь?

- Ну ты упоминала. Про бабушку. И хутор.

- А, ну да, точно. Моя бабушка..., - я умолкаю, подбирая слова.

- Ты ее любила, да?

- Она была моим самым близким человеком на свете, - говорю я тихо. - Единственным, кто верил в меня, даже когда я сама не верила. Она научила меня слушать не ушами, а сердцем. Говорила: «Все живое слово свое вымолвить умеет».

- Ее уже нет? - спрашивает он.

- Она ушла, да... Но... иногда я вижу ее во сне.

Он смотрит на меня. И внезапно произносит:

- Я понимаю, о чем ты. Когда... когда мама умерла... я как будто бы остался совсем один. Она ушла быстро. Жестоко. Рак. Полгода и все... А я... Остался... совсем-совсем

один... Ну то есть.... У меня, конечно, есть отец. Но он... после всего этого стал другим. Сначала - замкнутым. Потом - холодным. А потом... бизнесменом. Он больше не был отцом. Он был владельцем компании, в которой я числился как «наследник».

- А ты... похож на нее?

Он закусывает губу.

- Говорят, что у меня ее глаза. Ее улыбка. А еще... Знаешь... Наверное... Ну я так думал, когда пытался его понять... Наверное отец не мог на меня смотреть. Потому что он видел ее. А это... больно.

Я чувствую, как ком подкатывает к горлу.

- Мне очень жаль, - говорю я искренне.

Он пристально смотрит мне в глаза.

- Ты чего? – спрашиваю я.

- Не знаю, - он пожимает плечами. – Странно... Я ведь никому и никогда не рассказывал...

- Ну, - улыбаюсь я, пытаюсь сгладить напряжение, - Теперь у тебя есть ведьма. А ведьмы - лучшие слушательницы. Особенно если им платят.

Он смеется. По-настоящему. И я вижу, что его – как и меня буквально несколько минут назад – отпускает.

- За ведьм и наследников, - говорит он, поднимая бокал.

- Отличный тост, - поддерживаю я.

Мы едим. Пьем. Говорим. Не о бизнесе, не о звездах, не о картах. О книгах. О музыке. О том, какой Москва кажется

огромной, но на самом деле - как она полна одиноких людей, которые боятся признать, что им плохо.

Наконец мы доедаем последнее блюдо – нежный крем-мусс с черникой. Игорь расплачивается, переводит на меня взгляд и произносит:

- Я отвезу тебя домой.

- Нет, - отвечаю я. - Я вызову такси.

Кажется, что он хочет возразить, но – нет.

На улице свежо. Ночь. Фонари отбрасывают длинные тени.

Вот уже и такси показалось.

Я поворачиваюсь к Игорю, чтобы поблагодарить за ужин и тут он начинает наклоняться ко мне. Ближе. Ближе. Ближе.

Я замираю, а потом резко отстраняюсь.

Он удивленно вскидывает на меня глаза.

- Ты чего?

- А ты?

- Я хотел чмокнуть тебя в щеку, - говорит он, пожимая плечами.

- Прости, - я вздыхаю. – Я не поняла.

- Ладно, ладно. Больше не буду пытаться тебя поцеловать, честно слово! – он делает большие глаза.

- Договорились, - я протягиваю ему руку. – Впредь будем ограничиваться рукопожатиями.

- Принято, - его рука на секунду резко сжимает мою ладонь, и быстро отпускает. – До завтра?

- Пока, пока, - отвечаю я. И наконец-то усаживаюсь на заднее сиденье.

Машина трогается. Я смотрю в окно. Он стоит на тротуаре, засунув руки в карманы, и смотрит вслед.

По дороге домой я думаю о том, что сегодня произошло.

Владилен Айнурович с его «свитой», явно не желающей делить «хозяина» с кем-то еще.

Расклад и неведомые пока опасности, связанные с воплощением того, что задумал Рустамов.

Завтрашняя встреча и возможные последствия, которые могут быть любыми: и совершенно прекрасными, и адски ужасными.

И, конечно, Игорь.

Напыщенный индюк, богатый мажор, глянцевая картинка с раздутым самомнением и отсутствием мозгов? Или обычный человек, которому повезло родиться в рубашке, но эта рубашка оказалась смирительной. А вся его жизнь стала золотой клеткой, в которой нет ни одной живой, теплой, родной души.

«Он ведь совсем не бездушный», - пролетает в голове мысль.

«Не лезь», - говорю я себе строго.

Глава 12

ЧАСТЬ 2. КОЛЕСО ФОРТУНЫ

ИГОРЬ

Четыре часа дня. Я сижу в кресле напротив Владилена Айнуровича и чувствую, как под лопатками намокает рубашка. Не от жары - тут идеальный климат-контроль. От ожидания и напряжения. От того, что именно сейчас в моей жизни может наконец-то произойти что-то стоящее.

Офис Владилена, располагается в круглой башне – многоэтажном строении на берегу Москвы-реки напротив Сити. На первых этажах – клерки, ведущие его многочисленные дела. А в пентхаусе – личное пространство Владилена: что-то среднее между библиотекой алхимика и кабинетом человека, который давно перестал доказывать свою значимость интерьерами.

Стены обиты темной тканью, на столе - ни одного гаджета, только блокнот и ручка. За спиной хозяина - окно во всю стену, за которым раскинулся потрясающий вид на: город лежит внизу, как карта, на которой он расставляет свои фишки.

Анна сидит рядом со мной. Молчит. И я чувствую как она сосредоточена.

- Игорь Сергеевич, - начинает Владилен. - Я изучил вашу историю.

«Историю. Звучит так, словно речь о криминальном про-

шлом», - думаю я.

- У вас было три проекта за последние два года, - продолжает он, глядя прямо на меня. - Приложение для поиска единомышленников. Платформа для локальных фермеров. И... что-то про виртуальные галереи.

Горло сжимается. Да, все верно. Три красивые идеи, три презентации перед инвесторами, три месяца агонии перед закрытием. Три раза отец говорил: «Я же предупреждал».

- Все они провалились, - констатирует Владилен, переводя взгляд на окно.

- Да, - выдавливаю я. - Не вышло.

- А знаете почему? - Он резко поворачивается. - Потому что вы строили бизнес для людей. А люди - хаос. Непредсказуемость. Эмоции. Вы пытаетесь упаковать хаос в бизнес-план. Это невозможно.

Я молчу. Он прав. Чертовски прав. Я всегда верил в идею, в команду, в то, что если сделать что-то хорошее - мир ответит благодарностью. Мир ответил долгами.

- Но есть другая сторона монеты, - говорит Владилен. - Не люди. А законы. Не видимые глазу, но ощущаемые кожей. Законы энергии. Времени. Пространства. То, что вы называете «тонкими материями».

Он делает паузу. Смотрит на Анну. Она чуть кивает - почти незаметно, но он замечает.

- Я предлагаю вам создать Фонд, - говорит он. - Фонд по изучению тонких материй. Не эзотерический салон для

домохозяек. Не цирк с картами и кристаллами. А серьезная структура. Лаборатория. Где мы будем исследовать связь между энергетическими потоками и экономическими циклами. Между астрологическими конфигурациями и рыночными трендами. Между интуицией и принятием решений на уровне миллиардов.

Я сижу и не верю своим ушам. Это... это бред?

- Вы... вы серьезно? - выдыхаю я.

- Абсолютно, - улыбается он. - Да, у вас были провалы. Но это научило вас падать и подниматься. А теперь у вас появится компас, которого раньше не было.

Он откидывается на спинку кресла.

- Вместе мы свернем горы, Игорь Сергеевич. Не метафорически. Буквально. Потому что горы - тоже энергетические узлы. И их можно сдвинуть, если знать, куда надавить.

Я чувствую, как по телу разливается тепло. Азарт. И предложение;

- Я согласен, - говорю я. Голос звучит твердо, хотя внутри все дрожит.

- Ну вот и отлично. Все условия будут прописаны в договоре. Юристы подготовят документы. А пока... - он открывает ящик стола и достает оттуда большие тяжелые ключи. - Поедете с Анной посмотреть помещение для Фонда.

- Помещение? - переспрашиваю я. - Уже есть?

- Есть. Давно. Ждало подходящего момента. И подходящего человека.

Он протягивает мне связку. Металлические, старые, с резной биркой.

- Это в Подмоскovie. Координаты скинет мой секретарь. Езжайте вместе. Потом расскажете как вам.

Мы выходим из офиса. Лифт везет нас вниз беззвучно, как по воздуху. Анна молчит. Я не выдерживаю:

- Ну что, ведьма? Видела, какой поворот? Владилен - не чудак с деньгами. Он гений. Он понимает, что мир строится не на цифрах, а на...

- На чем? - перебивает она, не глядя на меня.

- На энергии. На связи. На том, что за кулисами.

Она поворачивается. Ее зеленые глаза сужаются.

- Ты сегодня невыносим, - говорит она. - Прямо светишься. Как новогодняя елка.

- А ты чего злишься? Все же отлично! Никакой опасности. Никаких ловушек. Шанс. Огромный, золотой шанс.

- Еще вчера кто-то знать не знал, что такое энергия, а сегодня этот кто-то готов возглавить эзотерический фонд? - шипит она.

- Почему бы и нет, - сухо отвечаю я. - Могла бы порадоваться!

Я быстрым шагом выхожу из здания и иду к парковке. Анна семенит за мной.

Я сажусь за руль - на встречу я приехал на своей тачке. А эта несносная ведьмочка останавливается у пассажирской двери и зависает там.

- Садись давай, - говорю я, открывая стекло.

Она вздыхает, а потом плюхается на сиденье рядом.

Первые полчаса мы молчим. Она пялится в окно. Я на дороге. Наконец я не выдерживаю.

- Послушай, - говорю я. – Мне очень нужен этот контракт. Даже если бы он позвал меня запускать летающие тарелки, что в целом близко к нынешнему предложению, я бы все равно согласился.

- Почему? – она поворачивается ко мне.

- Потому что я живу на деньги моего отца. И весь свой так называемый бизнес строю на них же. Только вот нихрена не вышло. С бизнесом. И теперь у меня остался последний шанс. Если до конца месяца у меня не будет какой-то, хоть самой завалящейся, сделки с Рустамовым - отец отзовет все. Я останусь с долгами и пустыми обещаниями.

- Почему ты не начал с этого? - спрашивает она. - Почему не сказал сразу, что тебе все это нужно не ради самоутверждения, а ради... ради выживания?

- Потому что... - я делаю паузу, - потому что я привык быть тем, кем все меня считают. Уверенным. Холодным. Контролирующим. Признаться, что я ноль без палочки... перед какой-то там ведьмой, гадалкой? - я смеюсь, не слыша в своем смехе радость.

- Ох ты боже ты мой, - вздыхает она. – Авторитет боялся уронить, да? Как же на тебя такого красивого посмотрят, если денюшек-то и нет?

- Пожалуйста, - говорю я, - Не надо.

- Да, прости, - она протягивает руку и касается моей ладони, лежащей на руле. — Ты не понимаешь... Все только начинается. И мы понятия не имеем куда нас это приведет.

- Ну вот как раз и разберемся, - преувеличено воодушевленно говорю я.

Хотя ее слова и отдаются во мне спазмом, не предвещающим ничего хорошего, я делаю глубокий вдох и вытесняю все сомнения прочь.

Вытесняю. Почти получается.

Только вот спазм в груди - никуда не делся.

Глава 13

АННА

Машина Игоря пожирает асфальт, а я смотрю в окно, как за стеклом мелькают пригородные пейзажи - сначала торговые центры с их безликими вывесками, потом дачные поселки с заборами-«елочками», а дальше - только лес.

Через двадцать минут мы сворачиваем на асфальтовую дорогу, которая сначала сужается до одной полосы, а потом асфальт сменяется гравием, и вот он - дом.

Старинная деревянная постройка, двухэтажная, с резными наличниками, которые когда-то, наверное, были белыми. Теперь - серые, потрескавшиеся, местами ободранные до темной древесины. Крыльцо покосилось, перила обвисли, как плечи уставшего старика. Окна - пустые глазницы, за стеклами которых копится пыль веков. Но... дом не мертв. Он дышит. Тихо, едва уловимо, но дышит. Я чувствую это кожей - легкое давление в висках, мурашки по предплечьям.

- Ну что, - Игорь глушит мотор и поворачивается ко мне.
- Впечатляет?

Я выхожу из машины, обхожу капот. Воздух здесь другой - густой. Пахнет мхом, гниющей листвой и чем-то сладковатым, почти медовым.

- Далековато от Москвы, - произношу я наконец. - И ремонта... дофига.

- Да уж, - он подходит, засунув руки в карманы. - Зачем ему этот сарай? У него же полно особняков в черте города. С бассейнами, саунами, видом на Кремль...

Я пожимаю плечами.

- Деньги девать некуда.

- С другой стороны.... – произносит Игорь. - Такой Фонд, как он описывал, точно должен работать в тишине.

- И без свидетелей...

Последние слова вылетают сами, и я тут же кусаю губу. Игорь бросает на меня задумчивый взгляд.

- Ладно, не нагнетай. Пошли посмотрим.

Мы подходим ближе.

Я провожу ладонью по перилам крыльца. Дерево шершавое, влажное от недавнего дождя. И вдруг - вспышка. Не картинка. Ощущение. Холод в груди.

Я отдергиваю руку, как обожженная.

- Что? - Игорь настораживается.

- Ничего. Только... Холодно.

Он усмехается, но на лице - тревога. Он тоже чувствует. Хоть и не называет это словами.

- Зайдем внутрь?

- Не сегодня, - отрезаю я резче, чем хотела. - Нет смысла. Без инструментов, без замеров... Посмотреть на голые стены? Пустая трата времени.

Он кивает, но я вижу - он разочарован. Ему хотелось приключений. Детективной игры: «загадочный дом в лесу». А я

отбила охоту.

Возвращаемся в машину. Дорога обратно кажется длиннее. Игорь включает радио, но музыка звучит фальшиво, неуместно - как смех на похоронах. Я смотрю в окно, а в голове крутится одна фраза бабушки: «Не все дома пусты. Некоторые ждут. И терпение у них - не человеческое».

Телефон Игоря вибрирует на центральной консоли. Он хватает его, прикладывает к уху.

- Юля?.. Да?.. Отлично... Нет, я через час в офисе... Хорошо, до встречи.

Опускает трубку. Лицо преображается - он улыбается как Чеширский кот.

- Что?

- Документы от Рустамова пришли. Двину в офис, все изучу.

- Рада за тебя, - говорю я, но голос звучит плоско.

- Выше нос! - он косится на меня. - Все идет как надо. Ну странный дом. Но и Владилен... товарищ не простой. Так что наверняка там есть какое-то объяснение.

- Наверняка, - повторяю я без энтузиазма.

Он не понимает. Или не хочет понимать. Ему важен результат - подпись, деньги, одобрение отца. А я... я чувствую трещину. Тонкую, почти невидимую, но уже разбегающуюся по всей этой картине. Игорь - часть плана Владилены. Я - тоже. Но зачем? Для чего этот Фонд? Для чего дом в лесу, который дышит и ждет? Я поднимаю глаза - за окном уже

Москва.

- Слушай, - я поворачиваюсь, - Высади меня где-то тут, я хочу пройтись.

- Уверена?

- Да, спасибо.

Он останавливается у обочины. Я расстегиваю ремень, беру за ручку двери.

- Анна, - он кладет руку мне на плечо. Легко. Не хватая. Останавливая. - Спасибо. За сегодня. За вчера. За все.

Я смотрю на него. В его глазах - не насмешка, не ирония, не «я - бог, ты - пигалица». А что-то настоящее.

- Не за что, - говорю я. - Ты платишь. Я работаю.

Он усмехается.

- Не в этом дело...

Но я уже выхожу из машины. Хлопаю дверь. Стою на тротуаре, пока его «Мерседес» растворяется в потоке. Смотрю ему вслед. И неожиданно ловлю себя на мысли: мне не все равно, что с ним будет.

Идиотская мысль.

Поворачиваюсь и иду к ближайшему кафе - маленькому, без вывески, с запотевшими окнами и запахом свежей выпечки. Заказываю американо и круассан. Сажусь у окна. Смотрю на улицу. Люди спешат - кто на работу, кто домой, кто - бежит от самого себя. Обычная московская суэта. Обычная жизнь. Та, к которой я привыкла.

И тут - звонок.

Незнакомый номер. Но я знаю - это не спам. Чувствую по вибрации в ладони. По тому, как замедляется пульс.

- Алло?

- Анна? - женский голос. Спокойный, без эмоций. - Это Ирина, помощница Владилена Айнуровича. Он хотел бы видеть вас в своем офисе. Прямо сейчас. Если это возможно.

Я секунду молчу, а потом отвечаю:

- Буду минут через двадцать.

Такси, башня, лифт и вот я опять вхожу в офис Рустамова. Владилен стоит у окна. Спиной ко мне.

- Анна, - произносит он, не оборачиваясь. - Спасибо, что приехали.

- Вы хотели поговорить наедине, - говорю я, закрывая за собой дверь. - Поэтому Игоря срочно вызвали читать документы.

Он поворачивается. Улыбается - тонко, почти незаметно.

- Вы умны. Это хорошо. Ум - редкость в наше время. Особенно у тех, кто видит то, чего не видят другие.

- Зачем я здесь? - спрашиваю прямо. Без вежливых реверансов. Без игры.

Он подходит к столу, садится. Жестом приглашает меня сделать то же самое.

Достает из ящика стола пульт. Нажимает кнопку. По комнате пробегает тихий гул - включается система шумоподавления.

- Петя! - произносит он довольно громко.

Сбоку открывается дверь. В кабинет входит мужчина.

Высокий, подтянутый, лет пятидесяти. Аккуратная седая бородка, дорогой мужской костюм цвета темного дерева, очки в золотой оправе. Движения плавные, выверенные. Он не ходит - скользит. Как тень. Как тот, кто привык быть незаметным. Но при этом - опасным.

- Анна, - говорит Владилен, - Это Петр. Моя правая рука по особым делам.

Петр слегка наклоняет голову. Не улыбается. Его глаза - серые, холодные, без единой искорки эмоций - скользят по мне. Оценивают. Взвешивают. Словно я не человек, а предмет. Инструмент.

- Мы нуждаемся в ваших способностях, Анна, - говорит Петр. - Но... не в том, чтобы гадать на картах.

- А в чем?

Петр смотрит на Владилена. Тот чуть кивает - разрешая.

- Вы видели сегодня... источник, - говорит Петр. - Верно?

Я хочу уточнить, о чем он, но потом вспоминаю холод, обжегший мою руку, когда я прикоснулась к перилам. Источник...

Петр шурится. И кажется, что он читает мои мысли.

- Так вот. Это не просто дом. Это сила. И вы поможете нам обуздать ее...

Я растягиваю губы в улыбке...

Глава 14

ИГОРЬ

Документы лежат передо мной на столе. Черный шрифт на белом фоне. Юридическая лаконичность, которая почему-то успокаивает больше, чем все эти глянцевые презентации с анимациями и 3D-моделями, которые я когда-то считал вершиной делового стиля.

Читаю внимательно. Строчка за строчкой. Даже те абзацы, которые обычно пропускал бы с пометкой «юристам разобраться». Но сегодня - нет. Сегодня каждое слово имеет вес. Потому что это не просто еще один провальный стартап. Это последний шанс. И я не позволю себе ошибиться из-за невнимательности.

Договор стандартный - на услуги управляющего Фондом. Владилен не стал мудрить с экзотическими формулировками. Никаких «энергетических квот» или «астральных обязательств». Только сухая юридическая проза: обязанности, сроки, финансирование, ответственность. Но в приложении - описание миссии Фонда. «Исследование взаимосвязи космических циклов и экономических трендов». «Разработка методологии прогнозирования рыночных кризисов через анализ астрологических конфигураций». «Создание лаборатории интуитивного принятия решений».

Читаю и думаю, что наконец-то я стою на пороге чего-то

настоящего. Пусть и безумного.

Беру ручку. Montblanc, которую отец подарил на двадцать первый день рождения с сухим комментарием: «Пусть твои подписи хоть чем-то отличаются от твоих идей». Тогда я обиделся. Сейчас - усмехаюсь. Откручиваю колпачок. Прикладываю кончик к строке «Управляющий».

И ставлю подпись - четкую, размашистую, без дрожи. Игорь Сергеевич Антипов. Подпись управляющего Фондом тонких материй. Звучит абсурдно. Но впервые за два года - звучит как правда.

Ну что же, дело сделано!

Откидываюсь на спинку кресла. Потом беру в руки телефон.

Надо позвонить Анне. Рассказать, что я все подписал и мы начинаем.

И тут до меня доходит.

Черт. Я привязался.

Не к ней - нет, глупости. А... к ее присутствию. К тому, как она смотрит на меня - без восхищения, без желания, без расчета. А просто как... как на человека.

Это опасно.

Потому что привязанность - это слабость. А слабость в моем мире - билет в один конец к папиному презрению.

Нет уж.

Я открываю контакты. Хватит на сегодня ведьм. Мне нужно сбросить напряжение. А для этого у меня есть Крис.

Она отвечает на второй гудок - голос сонный, томный. Я ее разбудил? Вряд ли. Сейчас шесть часов вечера, и даже для нее это уже слишком поздно, чтобы вставать.

- Милый? - тянет она.

- Чем занимаешься? - спрашиваю я. Легко. Небрежно. Как всегда.

- Туплю, - вздыхает она. — А что?

- Поужинаем?

- Ой, конечно! — в голосе неподдельная радость.

- Тогда в «Сахалине» через час? Там новое меню.

- Обожаю морепродукты, - хихикает она. - Буду.

Через час я уже сижу за столиком в гламурном месте из стали, хрома, бетона, с запахом имбиря и моря.

Она появляется в дверях - в облегающем черном платье, с декольте, которое говорит «посмотри на меня». Ухоженная. Дорогая. Идеальная. Подходит, целует в щеку - губы влажные от помады, запах духов - сладкий, тяжелый.

- Привет, дорогой, - она садится напротив, оглядывает меня. — Как дела?

- Да норм, - отвечаю. — Я заказал белое, - покачиваю в руках бокал. — Не против?

- А можно мне бокал шампусика?

- Без проблем.

Я зову официанта, заказываю шампанское, закуски. Крис выбирает горячее. Официант все тщательно записывает и удаляется. А мы сидим и пьем друг на друга.

- Ты сегодня какой-то...

- Какой?

- Задумчивый.

Усмехаюсь. Делаю еще один глоток вина.

- Бизнес, - говорю коротко. И ведь не вру.

Мы едим. Устрицы, сашими, что-то с трюфелями. Все вкусно. Все красиво. Но кроме еды, нам нечем скрасить это время. Раньше мне хватало ее улыбки, ее тела, ее готовности быть рядом, когда мне это удобно. А сейчас... сейчас мне хочется, чтобы она спросила: «У тебя ничего не случилось? У тебя все в порядке?»

Не «Как дела?» - это ритуал. А именно «Что случилось?».

Но она не спрашивает. Она рассказывает о новой сумке, о каких-то гламурных сплетнях, о том, как ее подруга вышла замуж за олигарха вдвое старше себя. Я улыбаюсь в нужные моменты. Но мне совсем неинтересно.

- Слушай, - прерываю ее треп, - а что ты думаешь об эзотерике?

Она замирает с вилкой в руке. Смотрит на меня, как на сумасшедшего.

- Ты что, милый, ТикТока насмотрелся?

Смеется. Громко. Слишком громко. И как то... Визгливо.

- Типа того, - я пожимаю плечами.

- Но вообще, сейчас это тренд, - она делает большие глаза. — Развелось этих эзотериков хоть жопой жуй. Карты, кристаллы, медитации... Но знаешь, что я думаю?

- Что?

- Это либо развод на бабло. Либо бабкины забавы для девочек, которые не могут найти нормального парня.

- Развод на бабло..., - фыркаю я.

А сам вспоминаю руки Анны, раскладывающие карты. И Владилена, который смотрел на нее не как на шарлатанку, а как на равного.

- Может, и так, - говорю, прогоняя картинку из головы.

- Конечно так! - Крис наклоняется ближе, кладет руку на мою. - Ты же не повелся на эту чушь? Ты же умный мальчик.

«Мальчик». Снова это слово. Но от нее оно звучит не как вызов, а как поглаживание. Или как похлопывание по руке: «Умный мальчик, не слушай глупости».

Мне становится неприятно.

Потому что я понимаю: Крис не дура. Она знает правила игры. Знает, как себя подать. Вернее - продать. Подороже. И она не станет тратить время на то, что не приносит выгоды. Ни материальной, ни социальной.

А Анна...

Я отпиваю еще вина.

Что-то я слишком много думаю об этой рыжей ведьме.

Надо с этим заканчивать.

Я наливаю еще вина.

Но увы – оно не заканчивается...

Глава 15

АННА

Я сижу в кабинете Владилена. Прямо, спина не касается спинки, ноги плотно прижаты друг к другу. Но руки лежат свободно. Так бабушка учила: когда чувствуешь, что тебя втягивают в чужую игру, не сжимай кулаки. Открытые ладони - знак того, что ты не боишься, но и не доверяешь.

Владилен сидит за столом. Спокойный. Уверенный. Его пальцы перебирают край блокнота - не нервно, а ритмично, словно отсчитывают время до чего-то неизбежного. Петр ходит. Туда-сюда. Мягко, бесшумно. Кажется, что его подошвы не касаются паркета. Он не человек - он тень. Тень с глазами цвета зимнего неба и голосом, который не греет даже в самые теплые моменты.

- Анна, - начинает Петр, останавливаясь напротив меня. - Вы помните Ираиду и Софию?

- Ваших дочку и жену, Владилен Айнурович? Конечно, они были на банкете, - они правда думают, что я уже забыла по какому поводу вчера был праздник?

Петр усмехается. Не губами - глазами.

- Вы ошиблись. Ираида - не жена Владилена Айнуровича, - произносит он. - Она - Учитель.

- Какой учитель? - переспрашиваю, хотя уже понимаю, куда клонится разговор.

Петр продолжает ходить. Его шаги отсчитывают мое сердцебиение.

- Она показала нам то, что скрыто от глаз обычного человека, - говорит он, не глядя на меня. - Она увидела нити, по которым течет мир. Не деньги. Не власть. Энергия. Чистая, первородная. Ираида - та, кто придумал идею Фонда тонких материй.

Я перевожу взгляд на Владилена. Он не отводит глаз. В его взгляде - ни стыда, ни оправдания. Только принятие того, что в его жизни есть тот, кто умнее, дальновиднее, сильнее. И этот кто-то - не он.

- Она нашла тот самый дом, - продолжает Петр, - куда вы сегодня ездили с Игорем.

Я вспоминаю перекошенное крыльцо, резные наличники, пустые окна-глазницы. Вспоминаю, как мой пульс участился еще до того, как мы свернули с асфальта на гравийную дорогу. Как будто что-то внутри меня узнало это место. Не умом - костями. Кровью.

- Вы, наверное, удивились, что мы выбрали такой странный, заброшенный дом, - говорит Петр, останавливаясь прямо передо мной. - Но под этим домом - источник силы.

Я закрываю глаза на секунду. Вспоминаю: мои пальцы касаются шершавого дерева перил. И вдруг - ледяной удар в грудь. Не боль. Холод. Такой глубокий, что на мгновение перехватывает дыхание. Я отдергиваю руку. Игорь спрашивает: «Что?» Я отвечаю: «Ничего. Холодно». Но это неправда.

Это был не холод воздуха. Это был холод чего-то живого. Спящего. Ждущего.

- Вы же это почувствовали? - выдергивает меня из воспоминаний Петр.

Я киваю. Медленно.

- Но прежде чем мы приступим к ремонту, - продолжает Петр, - нам нужно настроить этот источник на себя.

«Настроить». Как радиоприемник?

- И вы нам в этом поможете.

Я смотрю на него. Пытаюсь прочесть, что спрятано за маской спокойствия. Жадность? Страх? Вера? Но в его глазах - только пустота. Отполированная, безупречная пустота.

- Мы долго искали ту, что сможет это сделать, - голос Владилена звучит мягче, чем у Петра. Теплее. - И вот появилась вы.

- Ираида предсказала, - добавляет Петр, - что настоящая «видящая» появится на дне рождения Софии. И не ошиблась.

Я сглатываю ком в горле. Ведь все это случайность. Игорь нашел меня по объявлению... А дальше.... Может ли такое быть, что «случайность» оказалась «предопределением»?

- Но я ничего не знаю, - говорю я тихо. - Как это сделать. Как... настраивать источники.

Владилен улыбается ободряющей улыбкой. Ждал именно этого возражения?

- Ираида все подготовит, - говорит он. - Вам нужно бу-

дет только присутствовать при ритуале. Быть... проводником. Мостом между миром людей и тем, что скрыто под землей.

«Проводник». «Мост». Красивые слова. Но за ними - что? Ответственность? Опасность? Или роль в чужой игре, где я - пешка, а не игрок?

- Когда? - спрашиваю я.

- Через два дня будет полнолуние, - отвечает Петр. - Лучший момент. Энергия луны усилит вашу связь с источником. Мы все сделаем.

Он останавливается передо мной. Опирается на край стола. Смотрит сверху вниз - не свысока, а как учитель смотрит на ученика перед важным экзаменом.

- Вы поможете нам, Анна? - спрашивает он. - Мы вас отблагодарим. Но не деньгами.

Сердце стучит в висках - громко, настойчиво.

- Вы, вместе с Ираидой, возглавите все разработки Фонда, - говорит он. - Не как подчиненная. Как равная. Поверьте - это блестящая перспектива. Такое предложение бывает раз в жизни.

Я смотрю на него. Потом на Владилена. Их лица - спокойные, уверенные, ожидающие. Они не сомневаются в своем предложении. Для них это дар. Благословение. Шанс, за который другие бы убили.

И я понимаю: они правы. Это шанс. Возможность вырваться из мира чаевых, съемных квартир и вечной нехватки

денег. Возможность стать кем-то. Не гадалкой на окраине, а... чем-то большим. Чем-то значимым.

Только вот за каждым шансом стоит цена. Всегда.

Интересно, кто будет платить - я или кто-то другой?

Глава 16

ИГОРЬ

Бесконечно тянувшийся ужин наконец-то закончен. Я рас-
плачиваюсь, и мы выходим из ресторана. Ночь. Шумит
Москва. Пахнет осенью и надвигающимся дождем. А еще
духами Крис. Запах сладкий. Тяжелый. Прилипчивый. Как
сироп. Он липнет к коже, к волосам, к одежде.

- Пойдем, - говорю я Крис.

- Куда? – она берет меня под руку.

- Куплю тебе новые духи.

Она удивленно хлопает ресницами.

- Почему?

- А почему бы и нет? Ты же заслуживаешь лучшего.

Озадаченное выражение исчезает с ее лица. Да и в конце
концов, почему бы этому холеному мальчику не сделать ей
подарок, да?

- Спасибо, - мурлычет она. И мы идем к ближайшему бу-
тику. Роскошный, с мраморными полами и консультантами
в строгих костюмах, которые смотрят на нас с почтением -
не потому что узнали, а потому что видят: деньги.

Крис сразу бросается к стендам. Пробует один аромат за
другим. Сладкие. Цветочные. Ванильные. Каждый - слаще
предыдущего. Каждый - гуще, тяжелее. Она в восторге. Я -
нет.

- А есть что-то... ну..., - я щелкаю пальцем, пытаюсь подобрать слова. - Есть что-то... свежее, холодное, прозрачное и горькое? - выдаю я.

Консультант - мужчина лет сорока, с идеальной прической и безупречной белозубой улыбкой – все же не справляется с эмоциями и чуть приподнимает бровь. Но моментально берет себя в руки – профессионал.

- Прозрачное и горькое? - переспрашивает он. - Необычный запрос.

- Есть или нет?

Он пару минут думает, а потом уходит в подсобку. Возвращается с маленьким флаконом в минималистичной упаковке. Серый. Матовый. Без лишних украшений.

- Нишевый бренд. Ноты полыни, можжевельника, черного перца. Очень специфический аромат.

Крис морщится, едва почувствовав запах.

- Фу, аптекой несет! Я такое не буду носить.

- Ну и ладно, - говорю. - Но я все равно возьму. А ты выбери что-то еще.

Консультант смотрит на меня с уважением. Как на человека, который знает, чего хочет. А не как на мальчика, который выбирает то, что одобрит девушка.

Перенюхав еще с десятков ароматов – и как у нее нос все это выдерживает - Крис в итоге берет жасмин с мускусом. Я расплачиваюсь. Она берет свою коробочку и тут же открывает, чтобы нанести за уши. А я забираю маленький серый

флакон и прячу его во внутренний карман. Не понимая зачем я его купил.

Мы выходим на улицу. Такси я уже вызвал. Садимся на заднее сиденье. Крис прижимается ко мне, кладет голову на плечо. Ее волосы пахнут смесью жасмина и ее прежнего, сладкого аромата. Виски начинают пульсировать.

Она шепчет что-то мне на ухо. Что-то нежное. Соблазнительное. Я растягиваю губы в улыбке. Но думаю о том, есть ли дома аспирин.

Смотрю в окно. Москва мелькает за стеклом - огни, лица, жизни. И вдруг перед глазами всплывает ее лицо.

Словно она где-то рядом. И смотрит на меня. Не с упреком. А с удивлением.

«Ты думаешь обо мне» - спрашивают ее глаза.

Вот же блин.

Я понятия не имею какими духами она пользуется. И пользуется ли вообще.

Но похоже я не только зачем-то вытащил Крис на ужин, но еще и купил аромат, который напоминает мне о ней.

Вместо того, чтобы просто взять и позвонить...

Такси останавливается у подъезда. Выходим. Лифт. Зеркала. Идеальная пара в них - красивая, успешная, счастливая.

Но я смотрю на свое отражение - и думаю о "золотом мальчике" в клетке из денег и ожиданий. Который сегодня подписал договор с человеком, верящим в звезды. И который не

может понять, почему ему хочется услышать голос какой-то странной рыжей ведьмы.

Квартира встречает нас тишиной. Крис сбрасывает туфли, идет к бару. Наливает два бокала виски.

Я стою посреди гостиной. Смотрю на окно. За стеклом - Москва. Миллионы огней. Миллионы жизней. Люди, люди, люди. Как вас много. И при этом как мало тех, кто не просто существует, а живет. Полноценной жизнью. Наполненной не только повседневными заботами, но и чем-то большим, важным, нужным.

Крис подходит, протягивает бокал. Ее пальцы касаются моих. Я беру виски. Поднимаю.

- За нас? - шепчет она.

Я смотрю на нее. На ее идеальное лицо. На ее тело, которое я так хорошо знаю.

- За нас, - говорю я.

И пью. Горько. Как полынь и черный перец.

«Интересно, - прилетает мысль. – Она правда так пахнет? Или мне уже мерещится...».

Глава 17

АННА

Петр, и Владилен ждут моего ответа. Воздух в кабинете густой и пахнет чем-то знакомым, степным. Полынью?

Но этот запах не ароматизатор, он исходит от меня - горький, терпкий. От моей кожи. Я всегда пахну полынью, когда напряжена. Бабушка говорила: «Полынь - трава защиты. Когда она просыпается в тебе, значит, рядом то, чего стоит опасаться».

Но опасаться ли мне их? Или опасаться того, что будет, если откажусь?

Я думаю об Игоре. О его глазах, когда он говорил про «золотой шанс». О его уязвимости, которую он так тщательно прячет под слоем глянца и иронии. Он верит в Фонд, во Владилена. Он уже почувствовал вкус свободы - свободы от отца, от необходимости доказывать свою значимость каждую минуту.

А я?

Я сижу здесь. В кресле. С двумя мужчинами, которые знают обо мне больше, чем я сама. Которые нашли меня не случайно. Которые ждали меня.

Бабушка умерла. Родители в Ростове - далеко, в другом мире, где эзотерика - это развлечение для пенсионерок. Подруги из общаги разъехались кто куда. Виталик с его «прин-

ципом» остался в прошлом, как неприятный сон. Я одна. Со-
всем одна.

А здесь... здесь есть люди, которые... понимают. Которые
видят что-то за пределами этого мира. Видят то, во что я и
сама не до конца верю.

Петр наклоняется ближе. Его голос - почти шепот:

- Вы поможете нам, Анна?

Я смотрю ему в глаза. В его серые, холодные, бездонные
глаза. И вижу там не угрозу. Не манипуляцию. А... ожида-
ние. Как будто он давно знает мой ответ. Как будто я уже
сказала «да» - еще до того, как вошла в этот кабинет.

Когда поднялась на крыльцо того дома в лесу... или когда
переступила порог роскошного особняка... или когда вошла
в кабинет Игоря Сергеевича...

Я вдыхаю. Полынный запах наполняет легкие - горький,
честный, настоящий.

- Да, - говорю я. - Я помогу.

Петр улыбается. На этот раз - губами. Улыбка короткая,
но настоящая.

Владилиен кивает. В глазах - удовлетворение.

- Отлично, - говорит Петр. - Ираида свяжется с вами зав-
тра. Подготовит к ритуалу. А сейчас... - он встает, подходит
к двери, открывает ее. - Вы можете идти.

Я поднимаюсь. Ноги немного дрожат - не от страха, а от
напряжения. От осознания того, что я только что переступи-
ла какую-то невидимую, но важную черту.

У двери останавливаюсь. Оглядываюсь.

- А Игорь Сергеевич? - спрашиваю я.

- Ему..., - подает голос Владилен, - пока не нужно знать деталей. Он будет управлять Фондом. А вы... вы будете его душой.

«Душой». Красивое слово. Но что оно значит на самом деле?

Я выхожу из кабинета. Коридор длинный, тихий. Шаги отдаются эхом. Иду к лифту. Нажимаю кнопку. Двери открываются - беззвучно, плавно.

В зеркале отражение: рыжие волосы, собранные в пучок, зеленые глаза, бледное лицо. И за этим отражением - тень. Не моя. Чужая. Она стоит за моим плечом в зеркале. Смотрит на меня. Улыбается.

Я резко оборачиваюсь.

Пусто.

Оборачиваюсь обратно к зеркалу. Тени нет. Только я. Одна.

Лифт опускается. Москва расстилается внизу - огни, улицы, жизни. Миллионы людей, которые не знают, что совсем рядом, под одним из домов в подмосковном лесу спит нечто древнее.

Наконец я выхожу на улицу. Ночь. Холодно. Ветер треплет волосы, выбившиеся из пучка. Я поднимаю лицо к небу. Луна еще не полная. Может быть и еще есть время передумать.

Но я не передумаю.

Потому что впервые за долгое время я понимаю: передо мною реальный шанс.

Я иду по тротуару. В кармане пальто - колода карт. А я и забыла, что взяла ее с собой на встречу. Кажется, что утро сегодняшнего дня было давным-давно, сотни лет назад.

Сжимаю колоду. Кожаный чехол шершавый, знакомый.

- Бабушка, - шепчу я ветру, - ты бы одобрила?

Ветер не отвечает. Но в ушах звучит ее голос - тихий, спокойный и нежный.

«Слушай свое сердце. И слушай тишину между его ударами. Там - правда».

Останавливаюсь. Прислушиваюсь.

И в этой тишине - вопрос.

«А ты не боишься?»

Если честно – я не знаю.

Но иногда, чтобы найти себя, нужно потеряться. А иногда - чтобы спасти других, нужно рискнуть собой.

Глава 18

ИГОРЬ

Виски обжигает горло - коротко, зло, как пощечина, после которой становится легче. Крис сидит рядом на диване, прижавшись бедром, и болтает что-то про новый спа-салон.

- Там массажист такой... ммм... руки как у бога, - она игриво проводит пальцами по моему предплечью.

Я отпиваю еще. Стакан почти пуст. Надо налить. Или не надо. Может, выкинуть эту бутылку в окно и посмотреть, как она разлетится на осколки, ударившись об асфальт. Как моя подпись под договором с Владиленом - красивая, размашистая.

- Ты меня не слушаешь, - Крис обиженно надувает губки.

- Слушаю, - вру я. - Массажист. Бог. Руки.

Она хихикает, а потом вздыхает и кладет голову мне на плечо.

- Что? – спрашиваю чуть резче чем хотел.

Она отстраняется и внимательно смотрит мне в глаза.

- Ты сегодня какой-то...

- Какой?

- Не такой как обычно.

- Да? И в чем же разница?

- Обычно ты... - она запинаясь, подбирая слово, - ...Живой.

Я фыркаю. Живой. Да я хрен знает сколько времени не ощущал себя живым. Я хожу, улыбаюсь, трахаюсь, играю в бизнес... Но все это... по крайней мере до последнего времени была не жизнь, а... декорации?

Крис кладет ладонь мне на колено.

- Давай я тебя расслаблю, - шепчет она.

Я смотрю на нее – призывно приоткрытые губы, розовые щечки, блестящие в полутьме глаза. Все-таки она очень хороша. Практически идеальна. Любой мужик в баре слюной бы изошел.

Ее рука медленно поднимается вверх – все ближе и ближе к ширинке.

Я откидываюсь на спинку дивана, позволяя ей добраться до молнии, и закрываю глаза.

- Ну давай, детка, - шепчу еле слышно, - Давай попробуем расслабиться.

Она умело гладит меня, и я позволяю себе отдаться этой ласке. Механической, но техничной и крайне умелой.

И тут... мне в голову приходит мысль, от которой я фыркаю, а потом, не удержавшись, начинаю громко ржать.

- Ты чего? – она поднимает голову, удивленно заглядывая мне в глаза.

- Да чет подумал...

- И о чем же? – в ее голосе еще остались томные нотки, но где-то за ними уже чувствуется обида.

- Скажи..., - я буквально хрюкаю от смеха, - А ты ходи-

ла на курсы минета? Ну знаешь такие... я однажды рекламу видел. Там девки бананы облизывают.

Крис с минуту таращиться на меня. А потом вскакивает и наставляет на меня тонкий пальчик с ярко-алым маникюром.

- Ты... Ты... Ты знаешь кто? – визжит она.

- Мудак, да? – говорю я, пытаюсь чтобы голос звучал примирительно.

Она резко выдыхает, поправляет платье и смотрит на меня так, что мне кажется, что еще чуть-чуть и она прожжет меня взглядом.

- Ну прости, детка, - я пожимаю плечами. – Наверное это все – ужин, и вообще - было плохой идеей. Я сегодня что-то чертовски устал.

- Устааааал? – тянет она. - Серьезно?

- Да.

- Чушь собачья, - выпаливает она. – Все что ты сейчас говоришь – это гребанное собачье дерьмо!

Я моргаю. Крис никогда не говорила со мной так. Никогда. Она всегда была... удобной. Тихой. Понимающей. Приходила, когда звал. Уходила, когда надо. Никаких сцен. Никаких вопросов. Идеальный формат.

- Ты чего? - спрашиваю я.

Она закусывает губу. Пытается сдержаться. Но я отчетливо вижу, что эмоции рвутся наружу и жду, когда же это случится. Долго ждать не приходится. Пара вдохов выдохов и ее

наконец прорывает.

- Чего я? - шипит она. - Да ничего. Вообще ничего, дорогой, Игорь Сергеевич! Полгода! Твою ж мать! Целых полгода я играю роль девочки по вызову! Прихожу, когда ты зовешь. Улыбаюсь, когда тебе грустно. Молчу, когда тебе нужно помолчать. И тренируюсь на бананах, чтобы доставить тебе удовольствие!

- Ну прости, - говорю я, - Тупая шутка. И ты не прости-тутка, ну чего ты?

- А кто тогда? - кричит она. - Ты думаешь, мне нравится быть твоей игрушкой? Ты думаешь, мне нравится смотреть, как ты флиртуешь со всеми подряд на тусовках? Ты думаешь, я не вижу, как ты пялишься на каждую короткую юбку и большие сиськи?

- Да, блин. Ну причем тут сиськи? - морщусь я.

- Это я у тебя должна спросить, - она смеется, но в смехе - слезы. - Ты мужик же, а не я. И как любой мужик ты повернут на сиськах.

- Крис, - я вздыхаю. - Это уже какой-то абсурд.

- Не я это начала, - огрызается она.

- Ну послушай, - я пытаюсь говорить примирительно. - Не злись. У меня был сложный день. Серьезная встреча, выезд за город, сделка. Я правда устал.

- Мне жаль.

- Чего?

- Жаль, что ты видишь во мне куклу. А я, знаешь ли...

Я человек. И я хочу... нормальности. Нормальных отношений. Где ты звонишь мне не потому что скучно, а потому что хочешь услышать мой голос. Где ты не смотришь на других. Где ты не отталкиваешь меня, сославшись на усталость, а... делишься со мной.

- Я... - начинаю я и застываю с открытым ртом - не знаю, что сказать.

- Не надо. Пойду я, пожалуй. Что-то... тоже устала, - она отворачивается и идет к выходу.

- Подожди.

Она оборачивается. И я вижу в ее глазах надежду. И понимаю, что я должен быть честен с нею. Поэтому я просто вздыхаю и развожу руками.

- Понятно, - говорит она, видимо все понимая по выражению на моем лице. - Ты не готов, милый. Для тебя и полгода-то срок. Что уж говорить о всей жизни.

- Прости, - выдавливаю я из себя.

- Что-то ты сегодня очень много извиняешься. Не стоит. А то не дай бог окончательно размякнешь. И тебя сожрут.

- Сожрут?

- Акулы бизнеса, - вдруг весело и звонко смеется она. - И не хватит денег на новые игрушки.

- Ты никогда так со мной не разговаривала, - я удивленно приподнимаю бровь.

- Да ты никогда меня не слушал. Ну пока, - говорит она и идет к двери. - Да, - она еще раз оборачивается. - Спасибо

за ужин. И за духи.

- Пожалуйста, - отвечаю я уже закрывающейся двери.

Я встаю с дивана, иду к бару, наливаю себе полный стакан и делаю большой глоток.

А потом беру в руки телефон, листаю контакты, выбираю имя, набираю сообщение и жму кнопку «отправить», не давая себе ни одного шанса передумать.

Имя в контактах - «Анна. Ведьма».

«Как ты?» - два слова. Дурацких, простых.

Отправлено.

Жду.

Глава 19

АННА

Ключ поворачивается в замке с тихим щелчком - звуком, который я так люблю. Звуком дома. Настоящего, моего. Не поместья Владилена с его мозаичными полами и символами на потолке, не офиса Игоря с кожаными креслами и запахом денег. Четырех стен, которые не судят, не оценивают, не ждут от меня ничего, кроме того, чтобы я здесь дышала.

Закрываю дверь. Сбрасываю туфли прямо в прихожей - пусть лежат, завтра подберу. Развязываю пояс пальто, снимаю его, вешаю на вешалку. Движения медленные, будто я пробуждаюсь после долгого сна. Или, наоборот, погружаюсь в него. Не знаю. Все смешалось: дом в лесу с перекошенным крыльцом, голос Петра - сухой, как осенний лист под ногами, взгляд Владилена, в котором не было ни тепла, ни холода, а что-то третье...

Иду на кухню. Чайник - старый, эмалированный, с царапиной на боку. Наливаю воду. Ставлю на плиту. Пока греется, достаю кружку - глиняную, неровную, купленную на ярмарке под Ростовом. Бабушка бы одобрила: «Рука делала, не станок. В каждой неровности - душа».

Вода закипает. Я завариваю ромашку с мятой - травы, которые бабушка собирала сама, сушила на чердаке, заворачивала в тряпицы. Этот пакетик из магазина - бледная тень ее

заготовок, но запах все равно успокаивает.

Беру кружку, иду в гостиную. Включаю торшер. Сажусь на диван, накидываю плед. Беру пульт. Листаю список фильмов. Нужно что-то легкое. Глупое. Чтобы мозг отключился. Останавливаюсь на старой комедии про двух подружек, которые едут в Париж искать любовь.

Фильм начинается. Девушки смеются, спорят, бегут по улицам с круассанами в руках. Я отпиваю чай. Горячий, чуть сладковатый. И тут картинка расплывается. Не на экране. В голове. Перед глазами - не Париж, а лес. Узкая гравийная дорога. Крыльцо с обвисшими перилами. И холод.

Делаю еще глоток, пытаюсь согреться. Отставляю кружку. Беру телефон. Ищу на карте тот дом. Ничего – лес, без признаков каких-либо строений. Набираю в поисковике название города, расположенного в нескольких километрах. Добавляю «старый заброшенный дом в лесу». Ничего. Хотя и понятно – запрос очень расплывчатый.

Ладно, это уже паранойя какая-то...

Закрываю браузер. Смотрю на экран фильма - героини гугляют с французами под Эйфелевой башней.

Черт, и почему я ответила им «да»?

Телефон вибрирует на подушке. Я вздрагиваю. Сообщение. От Игоря.

«Как ты?»

Два слова. Простые. Обычные. Но от них в груди что-то сжимается.

«Нормально. Устала. А ты как?»

Пара секунд молчания. А потом вопрос.

«Скажи, а я мудак да?»

Удивленно хмыкаю. Ставлю смайлик - вопросительный, с большими глазами. Потом добавляю.

«Мудаки такие вопросы не задают».

«Могу набрать?»

«Да»

Звонок. Я нажимаю «принять». Его голос - хриловатый, чуть громче обычного, с легкой вибрацией.

- Подписал, - говорит он без приветствия. - Договор. Завтра сам отвезу Владилену. Не хочу гонять курьера.

- Поздравляю, правда. Я рада. Тебе это было важно.

Рот уже открывается, чтобы сказать: «Я тоже была у Владилена сегодня. Была странная встреча. Петр...» Но язык прилипает к небу. Вспоминаю слова Петра: «Игорю пока не нужно знать деталей». И Владилена: «Он будет управлять Фондом. А вы - его душой».

Душой. Звучит красиво. А вот что они под эти подразумевают?

- Спасибо, - голос Игоря выдергивает из раздумий.

- И как это связано с тем, что ты мудак?

- Нууууу... Меня так называли. Буквально несколько минут назад.

- Кто назвал?

- Нууууу... Ну, девушка одна.

- И почему она так сказала?

- Наверное, потому что я и правда вел себя как мудака.

Я закутываюсь в плед плотнее. Смотрю на экран - девушки и французы целуются под дождем. Быстро там у них все получилось.

- Ну так извинись, - говорю я.

- Уже поздно. Она ушла.

Молчу. А что тут еще скажешь? Какая-то телка, что-то он ей там залепил на своем «индюшачьем». Телка обиделась и ушла. Мне-то какое дело?

- А я бухаю, - добавляет он. - Может, хочешь присоединиться?

- Пожалуй, нет, - фыркаю. - Не люблю пьяных мужчин.

- Ну тогда пока.

- Пока.

Кладу телефон. Беру пульт и вырубаю телек.

Бесят.

Как же они меня все бесят.

Французы, девушки, Игорьь.

Она – какая-то там его девица - ушла. И он решил набрать меня, чтобы я его утешила? Присоединилась к неудавшемуся банкету по случаю подписания контракта с Рустамовым. И скорее всего – в его квартире.

Встаю. Отношу кружку на кухню. Мою ее медленно, хотя можно было оставить до утра. Возвращаюсь в комнату. Гашу лампу. Ложусь на диван - не раздеваясь. Натягиваю на голову

плед.

Закрываю глаза.

В темноте всплывает его лицо. Не глянцевое, не идеальное. А настоящее. С тенью усталости под глазами. С морщинкой между бровей, когда он думает. С той улыбкой, которая появляется не для публики, а случайно - когда он слушает что-то, что ему правда интересно.

И тут же отгоняю картинку. Дура.

Переворачиваюсь на бок. Сжимаю подушку.

«Любовь приходит тогда, когда перестаешь ее ждать. А пока - живи. Дыши. Слушай землю под ногами», - говорила бабуля.

Ну это точно не любовь!

Да и земля под ногами сегодня молчит.

Или я не умею ее слушать.

Снова беру телефон. Хочу написать ему.

Например такое:

«Да, ты мудак».

Или:

«А зачем ты мне звонил то?»

Или:

«Да иди ты нахрен!»

Но, конечно, не пишу. Чушь и детский сад!

Кладу телефон под подушку. Закрываю глаза.

За окном начинается дождь. Капли стучат по стеклу - ритмично, успокаивающе. Я дышу глубже. Медленнее. Чув-

ствую, как тело отпускает напряжение, мускулы расслабляются, наваливается приятная умиротворяющая тяжесть.

И я потихоньку погружаюсь в сон.

Уже на краю сна - думаю: может быть нужно было рассказать ему про Ираиду. Про встречу. Про ритуал.

Завтра, - думаю я.

Завтра скажу.

Лишь бы только завтра не было слишком поздно.

Глава 20

ЧАСТЬ 3. ЛУНА

ИГОРЬ

Боль приходит первой. Острая, пульсирующая, как будто кто-то методично вбивает молотком в мой череп гвоздь. Я приоткрываю один глаз. Тянусь к тумбочке и беру в руки телефон.

13:07. Час дня. Черт.

Я откидываюсь обратно на подушку и пялюсь в потолок - белый, безупречный, с едва заметной текстурой, которую дизайнер интерьера называла «легкой игрой света». Сейчас эта «игра» режет глаза, как лазерная указка. Я прикрываю лицо ладонью. Кожа горячая. Во рту... ну что сказать – очень дерьмовый вкус сейчас у меня во рту.

И надо же было так нажраться! И главное непонятно с чего – радости от подписания контракта или печали от того, что ушла Крис?

Хмыкаю. Вот уж дело не в Крис точно!

Ладно, нечего валяться. Дел полно.

Я откидываю одеяло. Кое-как встаю и тащу себя в ванную, где лампы дневного света превращают мое лицо в маску покаяния: мешки под глазами, воспаленные белки, щетина, которая уже не «небрежная элегантность», а запущенность.

Включаю душ. Сначала горячая, а потом – резко – холод-

ная. Зубы начинают стучать, но головная боль стихает.

«Тупица, - думаю я, - Нет бы аспирина сначала бахнуть».

Наскоро вытерев тело и обмотав берда полотенцем, шлепаю на кухню. Там точно есть запасы анти-похмелина. И да – в один стакан закидываю шипучий аспирин, в другой – мультивитамин. Авось от двойной дозы быстро полегчает.

Ну что же, осталось только одеться и можно двинуть по плану: в офис за бумагами и сразу к Владилену. Хотя, зачем к себе то ездить?

Я набираю секретаря.

- Юлия, отправь ко мне срочно курьера с договором по Фонду. Да, на столе у меня лежит. Через полчаса он мне нужен. Вот и отлично.

Двадцать минут – и вот я, одетый в костюм и свежую рубашку, спускаюсь в подземный паркинг. Где меня ждет не только курьер из офиса, но и моя любимая тачка: темно-синий Мерс, поблескивающий хромированными деталями в свете неоновых ламп. Забираю бумаги, сажусь за руль, завожу мотор и потихоньку выдвигаюсь из гаража.

Башня на берегу Москвы-реки вырастает передо мной, как небоскреб из стекла и амбиций. Я паркуюсь, захожу в задние и поднимаюсь на лифте. Двери офиса - массивные, из темного дерева с едва заметной резьбой в виде полумесяца. Секретарь за стойкой поднимает глаза.

- Простите, а вы...?

- Игорь Антипов. К Владилену Айнуровичу.

- О? – ее губы округляются, - Но Владилен Айнурович сегодня никого не ждал.

- Понимаю, - я выдаю очаровательную улыбку, - Но мы вчера заключили сделку, и я..., - запинаясь, думая о том, как странно это все звучит: моя идиотская идея отвезти документы лично. – Я решил лично привезти подписанный контракт.

- Как любезно с вашей стороны, - секретарь улыбается в ответ. – Можете оставить документы мне, я все передам.

- Это, наверное, выглядит глупо, - озвучиваю я свои мысли вслух, - Но я хотел сам... лично... ему...

- Понимаю. Для вас это было бы важно. Но... Владилен Айнурович сегодня не в офисе...

- Он дома?

- Я не могу разглашать такую информацию, - лицо девушки замыкается.

- Да-да, конечно, простите. Вы так все правильно поняли. Мне и правда очень-очень важно было отдать ему лично в руки. Удивительно, конечно, что еще существуют такие прекрасные помощники, как вы.

- Спасибо, - она слегка краснеет.

А я думаю – уже не переборщил ли? Да и пофик.

- Ладно, я тогда зайду позже, если вы не против, - произношу я, отгоняя навязчивые мысли.

- Сегодня его не будет. И..., - она наклоняется ко мне и шепчет, - Да.

- Чего? – шепчу я в ответ.

Она выпрямляется и косясь на камеры произносит деловым тоном:

- Я могу чем-то еще вам помочь?

- Ээээээ. Нуууу. Нет, спасибо. Вы были очень любезны, - отвечаю я и выхожу из кабинета.

«Что она имела в виду? Что «да»? Аааааа, наверное, да – в смысле он сегодня дома. Как все загадочно, однако», - фыркаю я, и топаю к лифтам.

Дорога до особняка Владилена – я, конечно же, решил туда поехать – оказалась довольно муторной. Машин много, да еще и шоссе в двух местах перекопали. Но поворачивать с полдороги было бы совсем идиотизмом – поэтому я терпеливо полз и за час таки дополз до коттеджного поселка.

Охрана уточняет к кому я, тщательно записывает номер моей машины, и я направляюсь к воротам особняка. У которых вижу машину такси.

И Анну.

Которая выпархивает из калитки и садится на заднее сиденье.

Такси трогается, а я понимаю, что завис, пытаюсь осмыслить происходящее.

Почему Анна тут? Зачем она приезжала? Почему вчера – когда я ей звонил – ничего не сказала об этой поездке? И почему она, черт возьми, приехала сюда одна – без меня?

В голове всплывает ее голос: «Ты платишь. Я работаю».

Сухо. Профессионально. Без эмоций. Бизнес. Только бизнес.

Но все же – этот бизнес мы вроде как делаем вместе?

Я достаю из кармана телефон. Листаю контакты. Палец зависает на «Анна. Ведьма».

Но стоит ли звонить? И сразу сдавать все карты? Она же не видела мою машину, не видела меня. Может быть сначала попробовать увидеться с Владиленом? Не зря же я сюда тащился. Предлог у меня есть – хороший мальчик Игорь так благодарен за сделку, что самолично притаранил документы.

Я аккуратно паркуюсь у забора, выхожу из машины и иду к воротам. На калитке кнопка интеркома.

- Да? - вежливый женский голос.

- Игорь Антипов. Я к Владилену Айнуровичу.

Тишина. Потом:

- Вам было назначено?

«Черт, что их – по одному и тому же учебнику учат вопросы задавать? Что эта дама, что секретарь...».

Я вздыхаю.

- Нет, не было. Но я бы хотел его увидеть.

- Владилен Айнурович отдыхает. Он просил не беспокоить.

- Можете пожалуйста ему передать, что это связано с Фондом. Он поймет. Я привез подписанный договор. Специально для него.

- Минуту...

Время ожидания длится, конечно, совсем не минуту. Я

стою у калитки, чувствуя себя идиотом.

Да что такое со мной сегодня в самом деле? Не, надо бросать пить. Однозначно!

Я разворачиваюсь и уже хочу пойти к своей машине – нахрен все эти телодвижения. Курьера отправлю!

Но тут раздается щелчок, и ворота начинают открываться.

Глава 21

АННА

Утром приходит сообщение: «Ждем вас в 14.00 по адресу...».

Мне становится немного не по себе, но я не даю развиваться панике. Надо собраться и поехать. А дальше уже и решим...

Такси останавливается у кованых ворот. Я выхожу из машины и иду к калитке. Раздается щелчок – меня явно ждут. Прохожу по гравийной дорожке. Сегодня – при свете дня – все выглядит просто дорого и богато. Никакой мистики.

«Вот и отлично», - думаю я, взбегая на крыльцо.

Дверь открывает дама, одетая в темное платье и белый перерезчик. Видимо, горничная. Ну а как иначе, если ты миллиардер? Без горничной явно не обойтись.

- Следуйте за мной.

Я иду по коридору, застланному пушистым ковром, который глотает звук наших шагов. Во всем доме тихо. И спокойно. Я улыбаюсь – понапридумывала ужасов, а тут лишь живет очень богатый человек, имеющий не очень обычно увлечение. Всего то.

Мы доходим до кабинета.

Горничная открывает дверь, пропускает меня вовнутрь и тихо притворяет ее за моей спиной.

В комнате трое. Владилен у окна, Петр у книжной полки,

а между ними - она.

Ираида.

Высокая, стройная, с седыми прядями в черных волосах, собранных в тугий узел. Лицо без морщин, но не молодое - возраст здесь не в годах, а в глубине взгляда. Серые глаза холодные и острые. Она пристально на меня смотрит, а потом протягивает ко мне руку. Я подхожу, пожимаю длинные ледяные пальцы.

- Анна, - голос низкий, без вибраций.

- Добрый день.

- Добрый, добрый, - Владилен делает к нам шаг. - Мы ждали вас.

- Я вроде бы не опоздала, - выдавливаю из себя улыбку.

- Вы точно ко времени, - вмешивается Петр. - Ну что, присядем?

- Простите, дорогие, - Ираида бросает взгляд на мужчин,

- Но мне хотелось бы поговорить с Анной наедине.

Петр моргает. Но не спорит.

- А как же..., - начинает Владилен.

- Не беспокойтесь, - перебивает его Ираида, - Мы должны обсудить только тонкости ритуала. А «женская магия», - она выдает лучезарную улыбку, - Не для мужских ушей.

Владилен впивается в нее взглядом, но потом кивает, и они выходят.

- Ну вот и прекрасно, присядем? - Ираида указывает на диван, где в прошлый раз сидел Игорь.

Я иду и сажусь с одного края, она присаживается с другого – в пол-оборота ко мне.

Внезапно раздается громкий стук, и я чуть не подпрыгиваю.

- Это чай, - она придвигается ко мне и ласково касается моей руки. От чего я опять чуть было не подрыгиваю. Очень уж ее пальцы холодные!

В кабинет входит та самая горничная, толкая перед собой тележку с чайником и чашками.

Ираида разливает чай – по кабинету растекается запах ромашки и чабреца.

- Вы же такой напиток любите? – спрашивает она.

- Да, - я беру чашку и делаю глоток. – Откуда вы...?

- Чисто интуиция, никакой магии, - отмахивается она. – Хотя про магию нам сегодня поговорить и придется.

Я молчу. Жду. Она тоже несколько минут молчит. И наконец решается.

- Завтра ночью мы должны провести ритуал, - говорит она, откидываясь на спинку дивана. - Но сначала - подготовка. Весь день – строгий пост. Только вода, мед, травы. Никакого мяса. Никакого алкоголя. Никакого секса.

Я почти фыркаю. Секс? Да у меня его и так нет.

- Белое льняное платье, - продолжает она. - Найдется такое?

Я отрицательно мотаю головой.

- Не страшно, мы предоставим. Отправлю сегодня вече-

ром.

Она окидывает меня взглядом. Словно снимает мерки.

- Украшения не надевайте. И не нужно парфюмерии, косметики. Только ваша кожа и лен.

- Зачем? - вырывается у меня.

Она несколько минут молчит.

- Понимаете..., - наконец говорит она. - Источник не терпит масок. Он видит то, что скрыто под одеждой. Под словами. Под страхами.

- А что это за источник? - спрашиваю я. - Что мы будем делать? Как его... активировать?

- Это не ваша забота, - произносит мягко. - Моя. Я подготавливаю пространство. Разложу символы. Зажгу огонь в нужный момент. От вас - только присутствие. И доверие.

- Доверие кому? Вам? Владилену? Но..., - я замолкаю.

- Вы сомневаетесь, это нормально. Не нужно доверять нам. Нужно доверять себе.

Она садится прямо, внимательно вглядываясь куда-то внутрь меня.

- Дело в том, Анна, - ее голос становится тише, интонации почти убаюкивающие. - Что мне нужен был кто-то, чья энергетика дополняет мою. Как два крыла одной птицы. Я - левое. А вы - да, именно вы - правое. Без вас полет невозможен. Без меня - бессмысленен.

- А что будет... потом? - шепчу я, чувствуя как подпадаю под гипнотическое влияние ее серых холодных глаз

- Мир болен, Анна. Разве вы этого не видите? Люди теряют связь – с землей, с небом, друг с другом. Деньги, власть... Это не жизнь. Это сон наяву. А мы можем разбудить их.

Я сглатываю ком, который отчего-то образовался у меня в горле. Ее слова – такие простые и, казалось бы, тривиальные – что-то будят во мне.

- Сегодня я еду туда, - говорит она, вставая. - Готовить пространство. А вы... готовьте себя. Ночью Луна будет уже почти полная. Поговорите с нею. Задайте все вопросы, которые вас беспокоят. И постарайтесь услышать ответ.

Я киваю. Не потому, что верю. А потому что хочу верить. Она встает. Я поднимаюсь следом.

- И еще одно, - произносит она. – Вы сможете воздержаться от любого общения до завтрашнего вечера? В том числе с вашим другом?

- Другом?

- Игорем Сергеевичем. Всего на сутки.

- Но... зачем? Почему?

- Чтобы вы могли услышать себя. Тогда... будет проще и легче.

Я минуту думаю. А потом соглашаюсь. Я итак особо ни с кем не общаюсь. А побыть наедине с самой собой – может быть и правильная идея.

Она благодарно улыбается, провожает меня к двери. И я, чувствуя себя как во сне, выхожу из кабинета.

Коридор, лестница, такси.

Я сажусь на заднее сиденье, закрываю глаза.
Мне страшно? Да. Но пути назад нет.

Глава 22

ИГОРЬ

Я иду по коридору, чувствуя себя полным идиотом. Черт, зачем я это сделал? Отправили бы курьера, а я сидел бы дома и лечил башку, в которую опять кто-то начал вбивать гвозди.

С другой стороны, тогда бы я не увидел Анну, которая, судя по всему, ведет какую-то свою игру.

Она вышла из дома так, как будто это уже вошло в привычку. Как будто она тут – постоянный посетитель. Как будто все это устоялось, пока я думал, что мы строим что-то вместе. Пока я подписывал их чертов договор с ощущением, что наконец-то делаю что-то настоящее.

«Ты платишь - я работаю».

Ну да. Ну конечно. Это с самого начала был бизнес. А я не уследил за тем, что она подписалась работать не только на меня. А еще я похоже отучился следить за своими мыслями. Сколько можно о ней думать?!

Так. Гостиная. Та самая, с мозаичным полом-мандалой. Владилен сидит в кресле у камина - камин не горит, сезон еще не тот. Он поднимает глаза. Взгляд спокойный, но в нем - вопрос.

- Игорь Сергеевич? - произносит он. - Это... неожиданно.

Я останавливаюсь посреди комнаты.

- Я... привез подписанный договор. Голос звучит глупо.

Как у первокурсника на защите реферата.

Владилен медленно встает. Подходит. Берет папку из моих рук. Его пальцы - сухие, теплые - касаются моих. На мгновение задерживаются.

- Вы не должны были утруждаться, - говорит он. - Курьеры существуют не для красоты.

Я краснею. Чувствую, как жар поднимается от шеи к щекам. Проклятие. Мне двадцать пять, я управляю фондом (пусть и только что созданным), а веду себя как подросток, принесший учителю цветы на первое сентября.

- Я... хотел лично... - запинаясь я. - Для меня это важно.

Он смотрит на меня. Долго. Потом улыбается - не насмешливо, а почти отечески.

- Это хорошо, - говорит он. - Рвение - редкость в наше время. Особенно у тех, кто вырос в комфорте.

Я растягиваю губы в ответной улыбке. Не знаю, что ответить. «Спасибо» звучит глупо. «Вы правы» - еще глупее. Молчу.

Он кладет папку на столик рядом с креслом. Садится обратно. Жестом приглашает меня сделать то же самое. Я опускаюсь в кресло напротив. Кожа холодная под ладонями.

- Кстати, - начинаю я, решив выплюнуть это сразу, - когда я подъезжал... я видел Анну. Она выходила отсюда.

Владилен не моргнув глазом смотрит на меня.

- Да. Я пригласил ее на личную консультацию.

- Я не знал, что у вас была назначена встреча.

- Не было, - спокойно отвечает он. - Я позвонил сегодня утром. Срочно.

- Понятно, но... - я пожимаю плечами, пытаюсь выглядеть небрежным. - Мы вроде как команда. А я... не в курсе.

Владилен наклоняется вперед.

- Игорь Сергеевич, - говорит он мягко. - Анна работает с тонкими материями. Иногда клиенты просят личных консультаций. Это не имеет отношения к Фонду. Это... частное.

Он делает паузу. Смотрит на меня так, словно видит все: и похмелье, и глупое рвение привезти документы лично, и ревность - да, черт возьми, именно ревность - к ведьме с острым языком и плоской грудью.

- Вам не о чем беспокоиться. Анна - ваш человек. В рамках Фонда. Остальное... не ваше дело.

Напряжение не уходит.

- Но я вас понимаю, - заканчивает. - Первый большой шаг всегда пугает.

Думаю, что нужно что-то ответить. Только вот что? Что я ревную? Не люблю, когда меня держат в неведении? Особенно когда речь о проекте, от которого зависит мое будущее.

И тут дверь гостиной распахивается.

Девушка. Высокая, стройная, в простом платье. София. Дочь Владилена. Ее лицо - бледное, почти прозрачное, глаза большие, темные. Она замирает на пороге. Смотрит на меня. Потом на отца.

- Ой, простите..., - говорит она. - Я не знала...

Владилен поворачивается к ней.

- Дочка? Ты что-то хотела?

- Нет, нет... - она запинается, краснеет. - Прости. Я не знала, что у тебя встреча.

Я встаю и делаю несколько шагов, протягивая руку.

- Здравствуйте, София. Мы с вами познакомились на вашем дне рождения. Меня зовут Игорь Антипов. Мы с вашим папой будем работать вместе в новом Фонде.

София смотрит на меня. Ее глаза расширяются. На мгновение - совсем короткое - в них мелькает страх. Настоящий, животный страх.

Я замираю. Что за черт?

Но она тут же берет себя в руки. Опускает глаза. Протягивает свою ладошку.

- Очень приятно.

- Мне тоже.

- Ну, не буду вам мешать.

Она разворачивается и выходит.

Я смотрю на Владилена.

- София застенчива. Особенно с незнакомыми людьми. Не принимайте близко к сердцу.

Я киваю. Но чувствую, как в голове, помимо молотка, все еще забивающего гвозди, появляются вопросы. Это не была застенчивость. Это был... страх.

- Ну что же, - Владилен поднимается. - Спасибо, что посетили меня лично. А теперь мне нужно закончить кое-ка-

кие дела... Личные...

- Связанные с Анной? – ляпаю я.
- Именно, - он улыбается. – Вы очень прозорливы, Игорь.
- Ну нет, - смеюсь я. – Скорее бестактен.
- Это ничего, - он подхватывает мой смех. – Все в поряд-

ке. По Фонду чуть позже мой помощник свяжется с вами. Завтра нужно будет провести общее совещание. Представить вас сотрудникам.

- Отлично, - я протягиваю руку, - Тогда до завтра?
- Я завтра занят, но послезавтра – я уже буду весь ваш.
- Договорились, - я поворачиваюсь и иду к выходу.
- Игорь! – окликает Владилен. – У меня просьба...

Не беспокойте Анну сегодня и завтра, пожалуйста. Чтобы мы спокойно с нею сделали... наше частное дело.

- Без проблем! – отвечаю я излишне воодушевленно.
- Вот и прекрасно. Хорошего дня!

Я выхожу. Иду по дому. Во двор. Через ворота.

Сажусь в машину. Завожу мотор. Смотрю на особняк в зеркале заднего вида. Он стоит тихо, величественно. Но меня отчего-то передергивает.

Я смаргиваю, пытаюсь прогнать странные ощущения.

Они сейчас вообще не к месту. Начинаются вполне себе большие дела. И мне пора рассказать обо всем отцу. Посмотрим, что он теперь скажет!

Глава 23

АННА

Квартира встречает меня тишиной, такой густой, что в ушах звенит.

В горле першит. В висках - тупая пульсация. Тик-так. Тик-так. Я прижимаю ладони к вискам и прохожу в гостиную.

Диван - мой остров посреди московского океана. Опускаюсь на него. Подтягиваю подушку и ложусь. Смотрю в потолок. Белый, с трещиной в углу, которую я давно собиралась замазать. Да все некогда. И наверное незачем.

Глаза закрываются сами. Тело тяжелеет. Сон накрывает мягко, как волна. Сначала - туман. Потом - свет. Я стою на хуторе. Лето. Жара. Песок под ногами пахнет разогретой землей. Крыльцо бабушкиного дома. И она там. Сидит на ступеньках, в ситцевом платье, седые косы туго скручены в узел на затылке. Лицо - морщинистое, но глаза - молодые. Зеленые, как мои. Только глубже. В них - целая степь.

- Бабуля, - шепчу я.

Она поворачивается. Улыбается.

- Внушенька, - говорит она. - Ты пришла.

- Я не приходила. Я сплю.

Она смеется. Тихо, как шелест листьев под легким ветерком.

- Сон - тоже дорога. Только короче. А мне столько нужно

тебе сказать. Слушай..., - шепчет она, наклоняясь ко мне.

Но слова расплываются. Между нами встает что-то - прозрачное, но плотное, как стекло. Я вижу ее губы, вижу, как они шевелятся, но звука нет. Только шум - далекий, как из глубокого колодца.

- Бабуля! - кричу я. - Что ты говоришь? Я не слышу!

Она машет рукой. Лицо меняется. В глазах появляется тревога. Она тычет пальцем куда-то за мою спину. Я оборачиваюсь.

Темнота.

Не ночная, где есть свет звезд. А полная, абсолютная темнота. Она сгущается вокруг меня. Я пытаюсь крикнуть, но горло сжимается.

И я падаю.

Быстрее, быстрее, быстрее...

Сердце колотится где-то в горле. Хочу закричать - не могу. Хочу проснуться - не получается. И вдруг...

Дзынь-дзынь. Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь.

Звонок.

Резкий, настойчивый, реальный.

Я вздрагиваю. Открываю глаза. Потолок - мой. Трещина в углу - на месте. За окном - ночь. Сколько же часов я спала?

Дзынь-дзынь. Дзынь-дзынь.

Встаю. Ноги подкашиваются - слабость разлилась по телу, как вода по полу. Иду к двери. Шаг. Еще шаг. В ушах - вата. Голова кружится. Но я кое-как добираюсь до двери.

На лестничной площадке стоит мужчина. Высокий, худой, в темном пальто. Лицо - невыразительное, как у статиста в массовке. Глаза - серые, без эмоций. В руках - сверток, завернутый в белую бумагу, перевязанную шпагатом.

- Анна Александровна? - спрашивает он. Голос - ровный, без интонаций.

- Да.

Он протягивает сверток.

- От Ираиды Петровны.

- Спасибо, - выдавливаю я.

Он разворачивается и уходит. Без прощания. Без оглядки. Его шаги не слышны - будто он не идет по ступенькам, а скользит над ними. Я закрываю дверь. Перед глазами встает картинка из сна - я падаю в бездну, черную, страшную.

А может быть стоит отказаться пока не поздно? Зачем мне все это? Какой-то ритуал, какой-то источник. Какая-то Ираида... Да, моя жизнь простая. Но мне по большому счету всего хватает. А тут я ввязалась в какую-то странную историю, несмотря на то, что где-то внутри я чувствую «что-то не так».

Или это страх перед иррациональным?

Я иду на кухню. Разрезаю кухонным ножом веревки. Разворачиваю сверток. Сначала - платье. Белое. Прямой крой, длинные рукава, подол до щиколоток. Лен. Настоящий, грубоватый, с едва заметным блеском. Я прикладываю его к себе. Идеально.

Под платьем - мешочек. Завязан тонкой нитью. Открываю. Внутри - травы. Сухие, ароматные. Что-то - незнакомое, пряное, сладкое.

И записка: впополам свернутый белый лист. Разворачиваю. Почерк - тонкий, изящный.

«Дорогая Анна. Заварите сбор. Одна ложка на стакан кипятка. Настаивать десять минут. Выпейте сегодня одну чашку. А завтра – по чашке раз в два часа. И ничего не бойтесь. Все будет хорошо».

Я смотрю на записку, на травы, на платье.

Не бойтесь.

Передо мною пролетают последние дни – встреча Игорем, банкет, расклад, Ираида. Невообразимый вихрь событий, который несет меня уже против моей воли.

Как она там говорила – «мир полон боли, но мы можем ее облегчить».

Но мне то это все зачем?

И бабуля – бабуля как будто бы о чем-то предупреждала.

А с другой стороны, это и правда шанс, который возможно бывает раз в жизни.

Ладно. Есть еще завтра. А пока – заварю-ка я и правда этот сбор.

Ставлю чайник. Вода закипает, и я заливаю травки. Пар поднимается вверх - густой, ароматный.

Настаиваю ровно десять минут. И делаю первый глоток.

Горячо. Горько. Но не противно. Наоборот - по телу рас-

ходится тепло. Мышцы расслабляются. Дыхание выравнивается.

Я беру кружку и иду к окну.

Забираюсь на свой любимый подоконник. Москва растягивается внизу - огни, улицы, жизни.

Поднимаю глаза.

Луна.

Не полная еще - нет. Но почти. Серебряный диск с едва заметным темным пятном на краю. Она висит над крышами, холодная, прекрасная, безразличная к моим страхам.

Я смотрю на нее. Она смотрит на меня.

«Ну что же – завтра мы с тобой породнимся», - пролетает мысль. То ли моя, то ли ее.

Я прижимаю ладонь к стеклу. Холод проникает в кожу - приятный, освежающий.

- Бабуля, - шепчу я в темноту. - Надо ли мне бояться?

Луна не отвечает. Но ее свет становится ярче - на миг, всего на миг. Это похоже на знак, но только вот какой?...

Глава 24

ИГОРЬ

Дорога к отцу всегда кажется длиннее, чем есть на самом деле. Да и вялотекущая пробка понуждает к размышлениям.

Приходится крутить в голове фразы, которые он скажет. И придумывать ответы.

Хотя сегодня я еду не на «разбор полетов». И по-хорошему можно было бы расслабиться. Но увы – от привычки, въевшейся с детства так просто не избавиться.

Припарковав машину, я поднимаюсь в офис. В приемной – секретарь Наталья и бессменный помощник отца Василий Георгиевич. Они поднимают на меня глаза. И я вижу, как по лицу Василия скользит едва уловимая тень. Да, он меня всегда недолюбливал, считая избалованным мудаком, недостойным такого прекрасного папаши.

- Отец у себя? – бросаю резко.

- Да. Ждет вас.

Я захожу в кабинет.

Отец сидит за столом и что-то набирает в ноутбуке.

- Садись, - говорит он, не отрывая взгляда от экрана.

Я сажусь в кресло напротив.

Он дописывает, а потом наконец поднимает на меня глаза.

- Ну? - спрашивает он. - Что привело?

Я делаю паузу. Не для драмы. Для себя. Чтобы собрать

слова в правильном порядке. Чтобы не выдать волнение.

- Я заключил сделку, - говорю я. - С Рустамовым.

Его брови чуть приподнимаются. На миллиметр. Но я замечаю. Это победа. Маленькая, но победа.

- И что за сделка?

Я запинаюсь. Так, это место, где можно споткнуться. «Эзотерический фонд»? «Исследование тонких материй»? Вряд ли отцу это понравится.

- Фонд развития новых технологий, - выдаю я. - Анализ рынков. Прогнозирование трендов.

Он молчит. Только глаза горят. И мне кажется, что его взгляд - рентген. От которого невозможно ничего скрыть.

- Как так быстро? - наконец спрашивает он. - Ты у меня был..., - он задумывается, - Три дня назад. И тогда, насколько я понял, это была всего лишь идея. А сегодня у тебя уже контракт? Объясни мне, как это работает.

В горле сжимается ком - дает о себе знать старая боль, которая живет под ребрами с тех пор, как я понял: отец смотрит на меня не как на сына, а как на проект. Неудачный проект.

- К чему этот допрос? - спрашиваю я, слыша в собственном голосе обиженные нотки.

Вот блин, веду себя как дитя малое!

- Я не понимаю, - его тон становится мягче. - А когда я чего-то не понимаю, меня это беспокоит.

- Я получил приглашение на банкет, - зачем-то начинаю

объяснять я, - И там у нас состоялась с ним встреча. Он знал кто я, чем раньше занимался. И про мои... неудачи. Тоже. Но его это не смутило. Он увидел во мне потенциал, в отличие от..., - я замолкаю.

Он откидывается на спинку кресла. Складывает руки на животе. Потом вздыхает - коротко, устало.

- Прости меня, сын.

Я замираю. «Прости». «Сын».

Он почти никогда так не называет. Только в моменты слабости. Или перед ножом.

- Я тоже вижу в тебе потенциал, - продолжает он. - И это меня раздражает больше всего...

- Что во мне есть потенциал? – не выдерживаю и перебиваю я.

- Что ты не пользуешься тем, что в тебе есть! – рывкает он. – Я же видел, что для тебя бизнес - не серьезно. Игрушки. Вечеринки. Девчонки. Спорткары. Я видел, как ты тратишь время. И деньги. Мои деньги. И думал: когда же он повзрослеет?

Я молчу. Потому что он прав. Почти прав. Да, были вечеринки. Да, были девчонки. Но не потому что мне нравилось «играть». А потому что... потому что... да вот хрен знает почему...

- Я не думал, что у тебя получится добиться встречи с Ру斯塔мовым, а тем более о чем-то с ним договориться, - продолжает он. - Но я, похоже, был неправ.

- Неправ в чем? - спрашиваю я.
- Я бы не советовал с ним иметь дело.
- Почему?
- Что ты знаешь о Рустамове?
- Ну как... он очень богат и влиятелен. У него диверсифицированный бизнес. И он охотно вкладывается в стартапы, почему я...

- Почему ты и решил к нему зайти, - заканчивает за меня отец. – Все так. Но есть кое-что о чем знают очень и очень немногие. Последние несколько месяцев он отошел от дел. Передал операционное управление своим замам. А сам...
- отец пожимает плечами. - По слухам, занимается чем-то странным.

- Уж не об эзотерике ли речь? – говорю я, чтобы дать понять, что и про это я в курсе.

- Да, но..., - он щелкает пальцами, подбирая слова, - Рустамов всегда был склонен к эзотерике. Астрология. Нумерология. Это ни для кого не секрет. Только вот отказ от ведения всех дел плюс общение исключительно с его так называемом «магическим кругом» уже пахнет некоторым психическим нездоровьем.

Я вспоминаю Владилена - спокойного, уверенного. И наши с ним встречи. Вот уж кто не похож на сумасшедшего, так это Владилен Айнурович.

- То есть ты хочешь сказать, - начинаю я медленно, - что я заключил сделку, а ты теперь советуешь от всего отказаться?

После того как у меня наконец-то что-то получилось?

- Я не говорю «отказывайся», - отвечает он тихо. - Я говорю «подумай». Подумай хорошенько, прежде чем подписывать что-то. А еще лучше - покажи мне документы. Я посмотрю. Посоветую.

- Ты думаешь, что я сам не справлюсь, - говорю я. - Ты хочешь меня контролировать.

- Нет! Совсем нет. Я... я беспокоюсь.

Я удивленно таращу глаза. Он? Беспокоится?

- Владилен Рустамов - влиятельный человек, Игорь, - говорит он наконец. - У него есть власть. И... странные наклонности. Все вместе это дурно пахнет.

- Странные наклонности?

- А разве верить в то, во что верит он не странно?

- Понятно. Я подумаю, - говорю я, поднимаясь.

Он сидит молча. Не пытается остановить. Не просит остаться.

Я иду к двери. У порога останавливаюсь.

- Пап, - говорю я, не оборачиваясь.

- Да?

- Мама... она верила в приметы. Помнишь? Ворона на подоконнике - к гостям. Разбитое зеркало - к несчастью. Ты всегда смеялся.

Он молчит.

- Но когда она умерла... ты неделю не выходил из кабинета. А потом приказал убрать все зеркала в доме. На месяц.

Я оборачиваюсь. В его глазах - боль. Старая, залеченная, но не исчезнувшая.

- Ты тоже веришь в свое, пап, - говорю я. - Просто называешь это иначе.

Глава 25

АННА

Сумерки ложатся на подоконник серой ватой. Я сижу на нем уже час - или два? Время расплылось, как чернила в воде.

Весь день я проваливалась в сон. Не засыпала - проваливалась. Как в яму без дна. Стоило закрыть глаза - и я уже падаю. Без снов. Без образов. Только темнота. Густая, вязкая, как смола. Я просыпалась от собственного дыхания - рваного, поверхностного - и снова пила отвар. И снова проваливалась. Три часа дня. Пять вечера. Семь. Время расплывалось, как чернила на мокрой бумаге. Я не ела. Не пила воды. Только этот отвар. Он и есть вода теперь. И еда. И воздух.

Я не понимаю, что со мною. Если это действие отвара – то почему вчера он меня взбудрил, а сегодня я от него засыпаю? Или это нервы? Я ведь так и не понимаю до конца, почему я на это все согласилась. Из любопытства? Из тщеславия? Или мне адреналина захотелось? Сунуть голову в пасть льва и подождать что будет?...

Внезапно я слышу звонок. Не в дверь. А где-то внутри меня. Как колокольчик на шее бродячей коровы. Я смотрю вниз. У подъезда паркуется машина – большой черный внедорожник.

Я не двигаюсь. Жду. Если это за мной – ну пусть подни-

маются. У меня есть еще несколько минут перед... чем? Перед прыжком в бездну?

Дзынь-дзынь.

А вот теперь реально звонят.

Я поднимаю и иду открывать.

Петр.

Высокий, в темном пальто, застегнутом до подбородка. Лицо - маска. Ни улыбки, ни хмурости. Поверхность. Гладкая. Непроницаемая.

- Пора, - говорит он. Голос - ровный, без тени эмоции. Как метроном.

Я не спрашиваю «куда», «зачем», «почему сейчас». Я знаю. Луна. Полная. Или почти полная. Та самая, что вчера тарасилась на меня с неба холодным серебряным глазом.

- Минута, - выдавливаю я.

Он молча стоит. Не входит. Ждет на лестничной площадке. Я закрываю дверь. Прислоняюсь лбом к холодному дереву. Дышу. Глубоко. Еще глубже. Но в груди - пустота. Словно легкие забиты ватой.

Снимаю джинсы. Свитер. Остаюсь в одном белье - обычном, белом, без кружев.

Беру платье. Лен шершавый под пальцами. Натягиваю через голову. Ткань обволакивает тело - не тепло, не холодно. Просто... присутствует. Как вторая кожа. Длинные рукава закрывают запястья. Подол - до щиколоток. Никаких разрезов. Никаких украшений. Только я и белая ткань между

мной и миром.

Зеркало в прихожей показывает незнакомку. Рыжие волосы - распущены, путаются у висков. Зеленые глаза - огромные, темные. Лицо - бледное, почти прозрачное. Я не узнаю себя. Или... узнаю слишком хорошо. Это та Анна, которую бабушка видела во мне с детства. Не студентку, не гадалку на окраине, не «мелкую пигалицу» по выражению Игоря. А ведьму. Ту, кто слышит шепот ветра и видит нити, связывающие мир.

Открываю дверь.

Петр меня оглядывает. Его взгляд скользит по платью, по лицу, по рукам. Оценивает. Не как мужчина женщину - нет. Как мастер - инструмент. Проверяет остроту лезвия перед резом.

- Хорошо, - говорит он.

Я обуваюсь, накидываю пальто и выхожу.

Мы спускаемся по лестнице. Мои шаги глухие. Его - бесшумные. На улице - прохладно. Ветер треплет волосы. Небо разорвало тучи - и там, над крышами панельных домов, висит Она. Луна. Полная. Серебряная. Безупречная. Свет падает на асфальт, превращая лужи в зеркала. Я смотрю в одно - и вижу свое отражение: белое пятно с темным пятном вместо лица.

Петр открывает заднюю дверь. Я сажусь. Кожаные сиденья холодные. Пахнут новизной и чем-то химическим - дезинфекцией, наверное. Петр садится за руль. Не говорит ни

слова. Заводит мотор. Машина плавно трогается.

Мы едем.

Сначала - город. Огни. Лица за окнами ресторанов. Люди с бокалами в руках, смеющиеся, целующиеся, спорящие. Обычная жизнь. Та, которую я знала. Которая теперь кажется сном. Потом - окраины. Заборы. Склады. Рекламные щиты. Потом - шоссе. Темная лента между полями. И тут меня накрывает.

Сон.

Не провал - падение. А именно сон. Тяжелый, как мешок с песком на груди. Я не сопротивляюсь. Не хочу. Голова падает на подголовник. Веки слипаются. Последнее, что вижу - луна в лобовом стекле, как маяк в океане тьмы.

Темнота.

Но не та, что днем. Эта - живая. В ней шевелятся тени. Они не имеют формы, но я чувствую их прикосновение - холодное, как паутина на лице. Где-то вдалеке - голос. Не слова. Звуки. Низкие. Вибрирующие. Как гул земли перед землетрясением. Я хочу закричать - но рот заполнен пеплом. Хочу проснуться - но сон крепче кандалов.

И тогда я вижу ее.

Бабушку.

Она машет мне рукой и я хочу побежать к ней, обнять...

И тут - рывок.

Машина сворачивает. Я вздрагиваю. Открываю глаза.

Лес.

Темный. Густой. Дорога - гравийная, узкая, едва заметная в свете фар. Ветки хлещут по бокам машины - царапают, как пальцы. Петр молчит. Его профиль - каменный. Руки на руле - спокойные. Уверенные.

А я...

Я не могу пошевелиться.

Не от страха. От чего-то другого. Как будто чужая воля накрыла мою, как одеяло. Я вижу руки - мои руки - лежат на коленях. Спокойные. Расслабленные. Но я не приказывала им так лежать. Я хочу сжать кулаки - не могу. Хочу открыть дверь и бежать - ноги как чужие. Даже дыхание не мое - ровное, глубокое, хотя внутри все кричит.

Впереди - свет.

Сначала - слабый, между стволов. Потом - ярче. И вот он. Дом.

Тот самый. С перекошенным крыльцом. С резными наличниками, облезшими до темной древесины. С пустыми окнами-глазницами. Только теперь он не спит. Он ждет. Я чувствую это кожей - давление в висках, мурашки по телу, холод в груди. Тот самый холод, что ударил меня при прикосновении к перилам.

Машина останавливается.

Петр выключает мотор. Тишина густая, настоящая. Ни сверчков, ни ветра, ни шелеста листьев.

- Выходи, - говорит Петр.

Его голос звучит иначе - ниже, глубже. И мне кажется, что

говорит не он - а кто-то через него.

Я пытаюсь отвести взгляд от дверной ручки. Хочу остаться. Хочу закричать. Хочу разбить стекло кулаком и бежать, бежать, бежать - пока ноги не откажут.

Но мои пальцы сами открывают дверь.

Ноги сами собой становятся на землю.

Холодная. Сырая. Пахнет гниющей листвой и чем-то сладко-приторным.

Петр выходит. Обходит машину. Останавливается рядом. Не берет за руку. Не толкает. Стоит. Ждет.

Я поднимаю глаза.

И мне кажется, что дом смотрит на меня...

Глава 26

ИГОРЬ

Я захожу в свой кабинет, бросаю пиджак на спинку кресла, сажусь за стол.

Секретарша Юля заглядывает в дверь.

- Они уже в конференц-зале, Игорь Сергеевич. Ждут.

- Пусть подождут еще десять минут, - говорю я, не глядя на нее.

Она кивает и исчезает. Мне нужно немного подумать после вчерашнего: встречи с отцом, его слов про «странные наклонности» Владилена. Во мне как будто засела заноза. Маленькая, почти незаметная, но колючая. И чем ближе вечер, тем глубже она впивается.

Десять минут. Я смотрю в потолок. Белый, идеальный, с едва заметными светильниками, вшитыми в гипсокартон. Думаю об Анне. Владилен просил не беспокоить ее - «чтобы спокойно все сделали». Но что они делают? Почему она мне не сказала, что приезжала к Владилену на следующий день после банкета? Почему я узнал об этом случайно, увидев, как она садится в такси у его ворот?

Я сжимаю челюсти. Глупо. Это бизнес. Только бизнес. Она работает. Я плачу. Все просто.

Так? И хватит уже об этом думать!

Встаю. Поправляю манжеты. В окне отражение - глянце-

вый мальчик в костюме от бренда, название которого он даже не помнит. Белая рубашка, идеально выглаженная. Волосы уложены. Улыбка наготове - для клиентов, для сотрудников, для мира.

Иду в конференц-зал.

Они сидят за столом втроем. Трое из ларца...

Первый - астролог. Высокий, худой, с лицом, иссушенным, как пергамент. На нем пиджак, явно купленный лет двадцать назад - плечи обвисли, локти лоснятся. Руки лежат на столе. Дрожат. Не сильно, но заметно - кончики пальцев подрагивают, словно под ними бьется невидимый ток.

- Игорь Сергеевич, - говорит он, поднимаясь. Голос тонкий, срывающийся. - Очень приятно познакомиться.

Он протягивает руку. Яжимаю. Его ладонь холодная, влажная. Дрожь передается мне - короткий, неприятный импульс.

- Садитесь, - говорю я, опускаясь во главе стола. - Рассказывайте, кто вы и чем будете заниматься в Фонде.

Второй - нумеролог. Полный, с круглым лицом и глазами... пустыми. Не тупыми. Не злыми. Пустыми. Как два стеклянных шарика, вставленных в лицо манекена. Он не улыбается. Не кивает. Смотрит сквозь меня.

- Я работаю с числами, - говорит он. Голос ровный, без интонаций. - Числа - это язык Вселенной. Они не лгут.

Третий - энергетик. Молодой, лет тридцати, в льняной рубашке с вышитым символом на груди. От него пахнет лада-

ном. Не слабо, не намеком - густо, приторно, как в церкви после службы. Он улыбается. Слишком широко. Слишком долго.

- Я чувствую потоки, - говорит он. - Вижу связи между людьми, местами, событиями. Могу определить благоприятный момент для любого решения.

Я сижу. Слушаю. Они говорят о «космических циклах», о «планетарных влияниях», о «тонких телах» и «энергетических узлах». Слова льются рекой - красивые, странные. Но за словами - ничего. Ни огня в глазах. Ни дрожи в голосе от пережитого откровения. Только текст. Выученный. Отработанный.

Они не верят в то, что говорят.

- Сколько вы работаете на Владилена Айнуровича? - спрашиваю я, прерывая поток.

Астролог сглатывает. Его кадык подпрыгивает, как поплавок на воде.

- Это... сложно сказать, - отвечает он.

- Почему сложно? Год? Два? Пять?

Нумеролог наконец шевелится. Его пустые глаза поворачиваются ко мне.

- Время - эфемерная категория, Игорь Сергеевич, - произносит он ровно. - Одна секунда может длиться целую жизнь. А целая жизнь - пролететь, как одна секунда.

Я смотрю на него. На остальных.

- Это ответ?

Энергетик улыбается шире. От ладана уже начинает першить в горле.

- Это истина, - говорит он. - Владилен Айнурович научил нас видеть за гранью времени.

Я откидываюсь на спинку кресла. Ощущение, что меня водят за нос, усиливается. Эти трое - не провидцы. Не мудрецы. Они - актеры. Причем плохие.

- Ладно, - говорю я. - Давайте конкретику. Что вы сделаете для Фонда в первые три месяца?

Они переглядываются. Астролог кашляет в кулак - рука дрожит сильнее.

- Мы... подготовим аналитические отчеты, - говорит он. - На основе астрологических карт ключевых дат.

- Каких дат?

- Дат принятия решений. Дат подписания контрактов. Дат выхода на рынок.

- И как вы определите, какие даты ключевые?

Он молчит. Нумеролог пялится в стол. Энергетик перебирает пальцами край рубашки - символ на груди морщится.

- Владилен Айнурович укажет, - наконец произносит астролог.

Я смеюсь.

- То есть вы будете ждать, когда вам скажут, что делать? А потом красиво оформите его указания в «астрологические отчеты»?

Никто не отвечает.

В кабинете становится тихо.

Я опять вспоминаю Анну. Ее руки, раскладывающие карты. Ее голос, когда она говорила о бабушке: «Она чувствовала. Понимала язык ветра». В ее глазах тогда был огонь. Настоящий. Не наигранный. Не купленный.

А эти трое... Марионетки.

- Ладно, - говорю я, вставая. - Встреча окончена.

- Но у нас еще много вопросов!

- Мы все обязательно обсудим на следующей встрече, - произношу спокойно.

- Когда?

- Секретарь пришлет вам уведомление. А сейчас прошу меня простить.

Они поднимаются и гуськом выходят из конференц-зала. Я стою еще пару минут, а потом иду в свой кабинет.

Неожиданно звонок. Внутренний номер. Ресепшн первого этажа.

- Да? - отвечаю я.

- Игорь Сергеевич, - голос секретаря. - Вас хочет видеть одна девушка.

«Анна»? – проносится мысль.

- Ее зовут София, - добавляет секретарь.

- София?

- Да. Говорит, что вы ее знаете. У нее какое-то срочное дело.

- Скажи ей, что я выйду через минуту.

Кладу трубку. Быстрым шагом выхожу из кабинета. Два пролета лестницы. И я вижу ее.

София стоит у стойки ресепшн. В элегантном сером пальто, с аккуратным пучком на голове. Но лицо бледное, а в глазах – тревога.

- Вы хотели меня видеть? – спрашиваю подходя ближе.

Она поворачивается.

- Игорь Сергеевич... - шепчет она. - Я должна вам кое-что рассказать. Боюсь, что вашей подруге Анне угрожает смертельная опасность...

Глава 27

АННА

Дверь открывается без скрипа. Дом ждал меня? И эта дверь никогда и не закрывалась - только притворялась, что закрыта? Чтобы... чтобы я почувствовала иллюзию выбора...

Я переступаю порог. Холод бьет в лицо - не уличный, не осенний. Другой. Глубинный. Тот, что живет в камне веками.

В прихожей - Владилен и Ираида.

Они стоят бок о бок, как два столба у входа в храм. Или в могилу. Владилен в темном бархатном жилете, руки сжаты в кулаки - на костяшках белые пятна от напряжения. Лицо - осунувшееся, под глазами тени. Ираида - в черном, до пят, платье. Ее волосы распущены - седые пряди смешались с черными, как лунный свет в ночном лесу. Она улыбается. Не губами. Глазами. И в этой улыбке - нет тепла. Только торжество.

- Ты готова! - говорит она. Не вопрос. Утверждение.

Я киваю. Не потому что готова. А потому что уже не могу сказать «нет». Слово застревает в горле - комок из страха и горечи. Отвар, который я пила весь день, теперь горчит во рту, как пепел. Я чувствую его вкус на языке - приторно-горький, с привкусом чего-то еще... металлического.

Крови?

Ираида берет меня за руку.

Ее пальцы - ледяные. Не холодные. Ледяные. Словно под кожей у нее не кровь, а ртуть. Я вздрагиваю, но не отдергиваю руку. Не могу. Мои мышцы не слушаются.

- Пойдем, дитя, - шепчет она. - Время пришло.

Мы идем по коридору. Доски под ногами не скрипят. Словно дом проглотил звук. Стены - темные, обшитые досками, покрытыми слоем пыли и времени. На стенах - символы. Круги с точками посередине. Змеи, кусающие собственный хвост.

Мы останавливаемся у двери. Низкой, из грубого неотесанного дерева. На ней - железная задвижка, покрытая ржавчиной. Ираида отодвигает ее. Звук - короткий, скрежещущий.

- Спускайся, - говорит она. - Я за тобой.

Лестница крутая и сырая. Ступени - каменные, неровные. Я спускаюсь. Каждый шаг - тяжелее предыдущего. Воздух густеет. Пахнет сыростью, глиной, прелыми корнями.

Подвал.

Просторный. Высокий. Не подвал - пещера, вырытая под домом. Стены - не кирпич, не бетон. Земля. Глина. Корни деревьев пробиваются сквозь своды, как пальцы мертвеца, тянущиеся к свету. А свет есть.

Луна.

Полнолуние. Серебряный диск висит прямо над нами - его

лучи пробиваются через узкие окна цоколя, зарешеченные железом. Свет падает на пол - не равномерно, а пятнами. И в центре этого света - стол.

Каменный. Грубый. Не отполированный. Скользкий от влаги. На нем - углубления. Не случайные. Вырезанные. В форме... в форме человеческого тела.

- Ложись, - говорит Ираида.

Я всматриваюсь в нее. Ее лицо - маска. Никаких эмоций. Только ожидание. За ее спиной - Владилен. А я и не слышала как он спускался за нами. Его плечи ссутулились. Все величие, вся уверенность, которую я видела на банкете - испарилась. Остался только мужчина. Сломленный. Пустой.

- Зачем? - выдавливаю я.

- Чтобы вернуть ее, - отвечает он тихо. Не глядя на меня. Глядя в пол.

- Кого?

- Ираида сказала... - Владилен поднимает на меня глаза. В них - не жадность. Не злоба. Отчаяние. Чистое, первобытное отчаяние. - Она сказала, что есть способ вернуть ее. Нужно только... договориться с теми, кто выше нас.

- О чем вы говорите? - шепчу я.

- Ты - потомственная ведьма, - встревает Ираида, подходя ближе. - Твоя кровь дорого стоит...

Она подталкивает меня к столу. Мои ноги подкашиваются. Я падаю на колени перед камнем. Холод пробирается сквозь ткань платья - легкую, белую, бесполезную. Я подни-

маю глаза. Смотрю на луну в окне. Ее свет - яркий, безжалостный. Он не греет. Он обнажает.

- Ложись, - повторяет Ираида. - На спину. Руки вдоль тела. Закрой глаза.

Я не двигаюсь.

- Ты боишься? - смеется она. - Не бойся. Это не больно.

И тогда я чувствую.

Не мыслью. Не словами. Телом.

Холод в груди - тот самый, что ударил меня при прикосновении к перилам крыльца. Но теперь он не удар. Он - наводнение. Расходится по венам, по мышцам, по костям. И с этим холодом приходит понимание.

Сейчас я - просто сосуд.

Наполненный тем, что им нужно. Очищенный отваром, постом, страхом. Готовый... к чему???

Я вспоминаю расклад Таро у Владилена. Три карты: Сила. Повешенный. Башня. И перевернутая Королева Пентаклей. Тогда я сказала: «Идея-фикс. Женщина». Что за женщина? Кто? Как они хотят ее вернуть? Откуда?

- Отпустите меня, - хриплю я.

Ираида наклоняется.

- Ты прекрасна в этом платье, - шепчет она. - Белое. Как саван. Как первый снег. Как чистота перед жертвоприношением.

"Жертвоприношение?!"

Ираида берет меня за плечи. Ее пальцы впиваются в плоть

- не больно, но неотвратимо. Как корни дерева, вросшие в землю.

- Ложись, - говорит она в последний раз. - Ради высшего блага.

И я ложусь.

Не потому что хочу. Не потому, что верю. А потому что тело отказывается слушаться.

Отвар.

День сна без снов.

Лунный свет в окнах.

Все это - подготовка.

Не для ритуала. Для усыпления моей воли.

Я поворачиваю голову и вижу как Владилен поднимается по ступеням вверх, оставляя меня наедине с тем, что приготовила эта женщина в черном...

Глава 28

ИГОРЬ

Я беру Софию под руку и тащу на улицу. Мне почему-то кажется, что лучше поговорить не в офисе, а... ну например в моей машине.

Открываю пассажирскую дверь и усаживаю туда девушку. Сам сажусь за руль. Завожу мотор. Не чтобы куда поехать, а чтобы не мерзнуть. Да и звук мотора меня всегда успокаивал.

София сжимается на сиденье в комок. Руки обхватили колени. Пальцы - белые от напряжения.

- Рассказывай, - требую я.

Она вздыхает. Длинно. Глубоко. Набирается воздуха как перед прыжком в ледяную воду.

- Вы видели на банкете Ираиду?

- Да, конечно, но...

- Она всем говорит, что она – учитель. Что она «великая ведьма». Но это не так. Она... она паразит.

Слово висит между нами - тяжелое, ядовитое.

- Паразит? – тупо повторяю я.

- Она присосалась к отцу пять лет назад. На каком-то благотворительном вечере. Подошла, поговорила, потом напросилась на встречу, а потом... потом как будто кто-то щелкнул переключателем у него в голове.

Я вспоминаю Владилена в его кабинете. Спокойного. Уве-

ренного. Говорящего о «тонких материях» с такой убежденностью, словно это не эзотерика, а физика. Но что если это не убежденность, а одержимость?

- Она стала бывать у нас дома. Чтобы рекомендовать то, что «поможет настроиться на нужную волну», - продолжает София. - Сначала - мелочи. Нельзя есть мясо по вторникам. Нужно спать головой на север. Нельзя носить черное в полнолуние. Потом - серьезнее. Он начал увольнять

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.